

«ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ
НАБЛЮДАТЬ,
КАК РАСКРЫВАЮТСЯ
ЧУЖИЕ СЕКРЕТЫ».
LIBRARY JOURNAL

Мэрибет
Мэйхью Уален

**ВСЕГДА
ЛИШЬ
ОНА**

Свадьбы не будет

Очаровательная ложь. Тайны моих соседей

Мэрибет Мэйхью Уален

Всегда лишь она

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Уален М.

Всегда лишь она / М. Уален — «Эксмо»,
2019 — (Очаровательная ложь. Тайны моих соседей)

ISBN 978-5-04-113325-2

Это могла быть идеальная свадьба. Брызги шампанского, платья в цветочек, новая жизнь. В маленьком городке Южной Каролины все только и говорят о предстоящем торжестве. Подружки невесты вовсю готовятся к праздничному обеду. Впереди финальная репетиция церемонии. До свадьбы Энни остались считанные дни. Это могла быть идеальная свадьба. Но невеста исчезла.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-113325-2

© Уален М., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог. День свадьбы. 1 июня	6
15–16 мая. Две недели до свадьбы	7
28 мая. Четыре дня до свадьбы	34
29 мая. Три дня до свадьбы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мэрибет Уален

Всегда лишь она

Marybeth Mayhew Whalen
Only Ever Her

© 2019 by Marybeth Mayhew Whalen

© jamesgreenstudio / Shutterstock.com

© Рогова М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Эшли Уален Фрели, которая никуда не исчезала

*И я сказал: «кто дал бы мне крылья, как у голубя? я улетел бы
и успокоился бы; далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне;
поспешил бы укрыться от вихря, от бури».*

Псалом 54:7–9

Пролог. День свадьбы. 1 июня

Он оттягивает ворот рубашки и делает глоток остывшего кофе. Он не любитель кофе, но сейчас согласен на любой напиток – особенно с кофеином. Он так давно не спал, что уже потерял счет времени.

Шериф опирается мясистыми ладонями о стол и тяжело нависает над ним.

– Ладно, мистер Спейси, – изрекает тот. – Вы готовы дать показания?

– Да, сэр, – отвечает Спейси. – Я готов. – И вспоминает, что последний раз сидел напротив Хэла Йорка, еще будучи школьником, задержанный за магазинную кражу. Тогда ему тоже никто не верил.

– Надеюсь, на этот раз вы скажете правду?

Спейси поднимает правую руку, а левую опускает на воображаемую Библию.

– И ничего кроме правды, – отвечает он, надеясь, что его голос звучит спокойно. – Да поможет мне Бог!

– Ну что ж, – говорит шериф. – Выкладывайте.

15–16 мая. Две недели до свадьбы

Энни

Она уже доехала до офиса адвоката, но вдруг осознала, что не может войти внутрь. Она сжимает ручку автомобильной двери, готовая выйти в любой момент. Машина совсем новая, так что дверца распахнется бесшумно – не то что в ее прежней скрипучей развалюхе (покойся с миром, «Джетта»). Теперь ее автомобиль – джип в прекрасном состоянии, взвешенный выбор взрослого человека. Как и ее жених Скотт, вручивший ей машину в качестве предсвадебного подарка, «Хонда Си-Ар-Ви» отличается надежностью и отлично вписывается в картину ее новой жизни в роли миссис Хэнсон. Жизни, которая начнется всего через пару недель.

Она отпускает дверную ручку и смотрит на письмо, лежащее у нее на коленях, – имя выведено аккуратно над линией сгиба. Ее имя – нынешнее. *Мисс Энни Тафт* — пока еще не Хэнсон. Чтобы превратиться в Хэнсон, ей нужно разобраться с делами, и визит к адвокату занимает в их списке не последнее место.

Она разглядывает здание прямо напротив нее. В двухэтажном доме в колониальном стиле может располагаться что угодно: от страхового агентства до стоматологической клиники или бухгалтерской конторы. Она внимательно изучает каждое окно – словно кто-то может следить за ней оттуда. Но за стеклами не видно ни единого лица, никто не подглядывает из-за занавески. Никто и не подозревает, что она здесь.

Энни не позвонила и не назначила встречу, хотя об этом говорилось в письме. Ей не нужна была гарантия того, что адвокат найдет для нее время. Наоборот – пусть лучше попросит ее зайти попозже, а она не сможет этого сделать. В конце концов, дел в ближайшие недели будет невпроворот, и вряд ли она будет заниматься чем-то кроме свадьбы. Тут-то она и скажет себе – и всем вокруг, – что пыталась. Скажет, что поступила правильно. Ей очень важно поступать правильно – уж такой она человек. Но что значит *правильно*? Вот в чем вопрос.

В ее голове звучит голос тети Фэй, снова и снова повторяя, что же такое, по ее личному мнению, «правильные поступки» (и почему нынешнее поведение Энни таким не является). Обычно советы в людских головах раздают матери, но у Энни это тетья, самый близкий ее человек. Чтобы заставить голос замолчать, Энни переключает внимание на свое отражение в зеркальце на автомобильном козырьке, проверяет, в порядке ли макияж. Потом улыбается, чтобы удостовериться, что помада не попала на зубы. Зубы чистые, а вот губы не помешало бы подкрасить – сегодня она так искусала их, что от утренней помады не осталось и следа.

Энни извлекает из сумочки косметичку и ставит прямо на письмо, чтобы не смотреть на него. Обновляет слой любимой ягодной помады на губах. (У тебя улыбка матери, твердят ей все, и, судя по фотографиям, так оно и есть.) Закончив с губами, она пудрит нос – из-за жаркого раннего лета ее лицо лоснится от пота, даже кондиционер в машине не помогает.

Итак, ей нужно просто выйти из автомобиля и войти в здание. Спустить курок, сжечь мосты, как там еще говорят? Но тут она обращает внимание на свои брови – в ярком солнечном свете стали заметны несколько отросших волосинок, от которых надо немедленно избавиться. Энни извлекает из косметички пинцет и выщипывает раздражающие волоски. Всегда лучше выглядеть на все сто, когда встречаешься с кем-то новым, думает она, а адвокат, безусловно, такой человек. Самонадеянный чужак, без приглашения ворвавшийся в ее жизнь со своим письмом и решивший взвалить на ее плечи больше, чем она может вынести.

Уважаемая мисс Энни Тафт,

в этом письме я хочу сообщить Вам новую информацию о своем клиенте, мистере Корделле Льюисе, который был приговорен к пожизненному заключению в тюрьме без права досрочного освобождения после того, как его несправедливо осудили за убийство Вашей матери, Лидии Тафт. Мне известно, что Вы выступали ключевым свидетелем со стороны обвинения по его делу, и я прекрасно понимаю и разделяю Ваше желание оставить все в прошлом. Однако мистер Льюис, увы, не в силах поступить так же: для него эта история – настоящее и единственный источник надежды на будущее.

Буду признателен, если Вы сможете приехать в мой офис и в рамках короткой частной встречи позволите мне рассказать о новом повороте в деле Льюиса, а также попросить Вас о небольшом одолжении. Искренне надеюсь, что нам удастся встретиться как можно скорее, так как время сейчас имеет первостепенное значение. Пожалуйста, имейте в виду, что информация, которую я намерен Вам поведать, носит весьма деликатный характер, поэтому очень важно сохранить нашу встречу в тайне. Повторюсь: я полон надежд, что Вы свяжетесь со мной в самое ближайшее время и позволите мне поделиться с Вами действительно потрясающими новостями.

*Спасибо, что уделите мне время,
Тайсон Барнс.*

Короткого письма Барнса оказывается достаточно, чтобы наполнить Энни чувством вины и заставить приехать на эту встречу – обсудить «небольшое одолжение» убийце своей матери. Но что, если это действительно не он? Дурацкий вопрос не дает ей покоя и требует ответа прежде, чем начнется новая жизнь – жизнь далеко отсюда. Да, таковы ее планы: выйти замуж за Скотта, уехать куда-нибудь подальше и начать все с чистого листа. Когда они это придумали, казалось, что это хорошая идея. Но чем ближе к отъезду, тем больше она сомневается в своем решении.

Энни осматривает лицо в последний раз, поднимает козырек и убирает косметичку в сумочку. У нее урчит в животе, и она думает о предстоящем ланче – еще одной встрече из тех, на которые идешь не по своей воле, а потому, что чувствуешь себя обязанным. Если она не поторопится, то опоздает на встречу, а если адвокат окажется на месте и будет готов к разговору, рискует вовсе пропустить ее. Энни колеблется, раздумывая, что хуже: беседа с адвокатом, пытающимся добиться свободы для Корделлы Льюиса, убийцы ее матери, или встреча с журналисткой городской газеты по поводу грядущей свадьбы.

Энни не питает иллюзий насчет журналистки, отлично понимая, что разговор так или иначе сведется к грядущему суду над Корделлой Льюисом. Очевидно, что в этом и состоит ее конечная цель, а интервью – просто уловка. Они с Лорел, так зовут репортершу, вместе учились в школе. Лорел всегда была агрессивной, и Энни сомневается, что она сильно изменилась за девять лет, прошедших с выпускного. Кроме того, годы, проведенные вдали от Ладлоу, и работа на воротах газетного бизнеса наверняка ожесточили Лорел, а освобождение Льюиса обещает стать куда большей сенсацией, чем ее свадьба. Нет, Энни не позволит репортерше обвести себя вокруг пальца. Она будет настороже.

Выбрав из двух зол меньшее – сделать то, зачем сюда приехала, Энни заглушает двигатель. Она войдет внутрь и поговорит с... ее взгляд еще раз скользит по строчкам, проверяя имя отправителя. Она рассматривает подпись, пытаясь представить, что будет дальше. Она скажет на ресепшене, что приехала повидать Тайсона Барнса, и секретарша ответит что-то вроде: «О, конечно, он уже ожидает вас! Сюда пожалуйста!» или же: «Очень жаль, но он сейчас в суде. Мне передать ему, что вы заезжали?».

Как бы то ни было, Энни придется пройти через все это. Она должна войти внутрь и узнать, что адвокат собирается сообщить ей о Корделле Льюисе, проведенном последние двадцать три года за решеткой за убийство ее матери. Судя по письму, Барнс считает Льюиса

невиновным, полагая, что тот был осужден по ошибке и что Энни сыграла не последнюю роль в этой охоте на ведьм. Теперь он намерен поговорить с ней об искуплении – о том, что она, как зрелая двадцатилетняя женщина, может сделать, чтобы загладить свою вину за поступок, совершенный в трехлетнем возрасте. О том, что это ее шанс все исправить.

Вот только это не так. В ее, Энни, случае ничего исправить уже нельзя. Ее матери не будет рядом, когда через несколько дней она пойдет к алтарю. Ее мать уже не наденет старомодное, но подходящее к случаю платье и не передаст ей семейную реликвию на счастье. Она не будет засыпать ее советами об отношениях, основанных на собственном многолетнем опыте как жены. Ей просто нечего рассказывать – у нее нет и не было этого опыта, ведь Лидия Тафт умерла, когда ей было всего двадцать три года. Даже собственная дочь уже пережила ее.

– Ладно, Тайсон Барнс, – громко говорит Энни сама себе. – У вас пятнадцать минут. И это все, что я могу для вас сделать.

Она открывает дверцу машины и выходит.

Лорел

Она сортирует пакетики сахара по цвету, затем – в алфавитном порядке: «Сплэнда» перед «Свит'Н'Лоу», после чего выкладывает повторяющийся рисунок из белого, розового, желтого, синего – радуго из пакетиков. Затем она снова осматривает ресторан, уже не скрывая своего раздражения, – и снова безрезультатно. Она смотрит на часы. Энни Тафт опаздывает на двадцать две минуты и, хотя во время ланча Лорел действительно некуда податься, кроме этого места, она недовольна, что приходится ждать так долго. Пять минут – еще куда ни шло. Но двадцать две? Это просто неуважение.

Она сгребает пакетики сахара в беспорядочную кучу, обдумывая способы, которые могут сейчас сделать нашу жизнь слаще. Многие из них некалорийные – только сладость и никакого чувства вины. Не к этому ли мы все стремимся?

Она открывает блокнот и записывает туда свои мысли. У нее могло бы выйти неплохое эссе, думает она, его можно было бы продать какому-нибудь журналу – «Домоводству» или, может быть, «Женскому дню». Лорел записывает названия журналов рядом с набросками идеи, а потом рисует вокруг звезды, чтобы придать себе занятой вид и не выглядеть как человек, на встречу с которым не пришли.

Официантка подходит к Лорел и указывает на стоящий на столе пустой стакан с месивом из подтаявшего льда.

– Принести вам еще воды? – спрашивает девушка. По виду ей не больше двадцати лет, а высоко затянутый хвостик, приподнимающий уголки ее глаз, придает лицу удивленное выражение.

– Нет, спасибо, – отвечает Лорел своим самым добрым и самым терпеливым голосом. К счастью, девушка исчезает без лишних вопросов. Не задав самый очевидный – «Неужели вы все еще верите, что тот, кого вы ждете, объявится?».

Лорел берет телефон и смотрит на экран, раздумывая, стоит ли послать Энни сообщение и спросить, куда та запропастилась. Но так она выставит себя отчаявшейся и навязчивой, а надо действовать с осторожностью. Хотя она якобы пришла в этот ресторан, чтобы поговорить с Энни Тафт о грядущей свадьбе («Событие года!» – не переставала повторять ее мать), у нее здесь имеется свой интерес.

Она думает о будущей книге – той, сюжет которой будет строиться вокруг убитой матери Энни и которая имеет все шансы прославить ее как писателя. Ничего, что она уже пробовала, не срабатывало. А доступ к Энни Тафт поможет это изменить. Так что пусть все идет своим чередом, она не будет слишком давить. А давить-то она умеет – просто спросите ее семью или последнего бойфренда.

Она убирает телефон и, снова достав ручку, перечеркивает «сладкую» идею. Если она хочет стать великим писателем, нужно тратить время на более важные вещи. Эссе про сахар не более чем детская забава, и она может куда лучше. Надо просто сосредоточиться и не порхать от идеи к идее. Куда полезнее будет узнать больше о мужчине, которого собираются выпустить из тюрьмы. Да, лучше потратить время на это. Возможно, ей стоит выйти на его адвоката, задать несколько вопросов. Она думает о профессоре Шарпе, который учил ее: «Худший враг великого писателя – несобранность».

Интересно, что бы профессор Шарп сказал о своей ученице, узнав, что ей пришлось вернуться в родной город после очередного увольнения и пишет она теперь для крохотной газетенки, сравнимой по уровню со школьной стенгазетой. Черт, да «Вестник Ладлоу» даже хуже, думает она. Лорел вспоминает своего «босса» Деймона и содрогается. Все эти фантазии о карьере, которые увлекали ее в студенческие годы, – как же далеко она теперь от этого.

Она сгребает свои вещи в кучу и засовывает их в новую большую сумку, цветастую дизайнерскую вещь с огромной вышитой монограммой «Лорел» по центру. Сумку ей подарила мать, Глиннис, в честь возвращения домой, словно это какой-то праздник, а не повод для скорби. Затейливый аксессуар, по задумке Глиннис, ей следовало брать в загородный клуб, чтобы тот «придавал ей яркости». «Ты стала такой бледной от всей этой городской жизни», – сетовала ее мать.

Лорел сигнализирует официантке о том, что готова уходить, размахивая кредитной картой. Кредитку Деймон благородно одолжил ей для этого ланча – чтобы подсластить пилюлю, ведь самым громким событием в ее журналистской карьере отныне будет освещение свадьбы Энни Тафт. Впрочем, она не справилась и с этим.

– Вы уходите? – спрашивает официантка, и на этот раз ее удивление искренне.

– Да, – отвечает Лорел, указывая на пустой стул напротив. – Человек, которого я жду, по-видимому, не придет.

– О-о, – протягивает девушка и, опустив руку на плечо Лорел, три раза легко похлопывает по нему. Теперь очередь Лорел выглядеть удивленной.

– Первое свидание? – сочувственно спрашивает официантка. – Я слышала, что лучше встречаться за ланчем, а не за ужином. Не так... очевидно.

– Нет-нет, это бизнес-ланч. Интервью.

– О-о-о. – Официантка понимающе покачивает головой. – Уверена, они нашли кого-то другого, но забыли сказать вам. – Она кивает, соглашаясь сама с собой. – Со мной такое случалось.

– Нет-нет, это не собеседование по работе... – говорит Лорел, не понимая, почему объясняется с официанткой, но все равно продолжает: – Я должна была взять интервью для газеты.

– О! – восклицает девушка, и удивленное выражение снова на месте. – Вы кто-то вроде... журналистки?

– Да, – со сдавленным вздохом отвечает Лорел. – Я *кто-то* вроде журналистки.

Девушка поднимает брови, всем видом выражая свое одобрение.

– Круто, – говорит она.

Лорел протягивает ей кредитку, хотя официантка, похоже, совсем забыла о своей работе.

– Я хочу заплатить по счету. Мне надо бежать.

Девушка со смехом возвращает ей карту.

– Вам не нужно платить за воду, – говорит она.

Она снова похлопывает ее по плечу, и Лорел пытается вспомнить, когда к ней последний раз прикасался кто-то незнакомый.

– Удачи вам с вашим интервью. – Официантка указывает на пустой стул. – Надеюсь, вы найдете того, кто вам нужен.

Лорел тоже смотрит на стул, где должна была сидеть Энни, и размышляет, как теперь вытянуть из нее историю о свадьбе – или убийстве. Все пошло не так, как она надеялась, и уж точно не так, как мечтала. (В ее фантазиях они с Энни совсем забыли о том, что не выносили друг друга в школе, и Энни изливала ей душу, рассказывая и о свадьбе, и о своих самых сокровенных мыслях, а в финале признавалась, что ей нужна подружка невесты, и упрашивала Лорел поучаствовать в торжестве.)

Лорел бросает рассеянное «спасибо» через плечо и оставляет официантку, ресторан и свое унижение позади, переключаясь на размышления о том, что делать дальше и как уберечь то небольшое, что у нее еще осталось.

Кенни

Он наблюдает за женщиной, в спешке покидающей ресторан. Она идет так быстро, что ноги едва касаются земли, а подбородок вздернут в хорошо знакомой ему еще со школы манере. Лорел Хейнс была одной из его постоянных школьных мучительниц. Она ставила себя выше всех в городке и была уверена, что далеко пойдет, когда закончит учебу.

– Так пали сильнейшие... – бормочет он себе под нос, отирая запотевшие стенки бокала с холодным чаем. На дворе май, и весна в Южной Каролине проигрывает бой лету, как и каждый год, что он себя помнит.

– Вы что-то сказали, сэр? – спрашивает его юная официантка. Он настолько увлекся наблюдением за Лорел, что не заметил, как девушка подошла к нему. Всего какие-то секунды назад она стояла у столика Лорел, похлопывая ее по плечу и демонстрируя дружеское расположение, и вдруг очутилась рядом. Кенни радуется, что официантка не слышала его слов – ни к чему изливать личные обиды незнакомцам.

– Нет, – отвечает он, указывая рукой в направлении выхода и стараясь, чтобы его голос звучал непринужденно. – Я просто засмотрелся на женщину, которая только что ушла. Кажется, я учился с ней в школе.

– Она журналистка, – говорит девушка так, будто сообщает что-то важное. В свое время Лорел любила внушать людям, что она важная, но, судя по тому, что болтают в городе, ее планы стать всемирно известным репортером с треском провалились и она приползла к мамочке зализывать раны. Теперь вершина ее карьеры – сенсационные репортажи «Вестника Ладлоу» об очередном заседании клуба садоводов или сборе средств в поддержку чемпиона младшей лиги.

– Будь хорошим мальчиком, – звучит в его голове голос Энни, но Энни здесь нет. Ее нет ни для Лорел Хейнс, ни для него – она одурачила их обоих. Слышит он и кое-что еще – слова Энни, сказанные сегодня, когда она позвонила ему и стала упрашивать прийти в ресторан.

– Ты не можешь просто оставить меня там с ней, – хныкала она. – Ты должен меня выручить. – (Драматичная пауза от королевы драматичных пауз.) – Ты же знаешь, какой невыносимой она может быть.

Безусловно, стрела попала в цель. В его мозгу тотчас же всплыло воспоминание: лицо Лорел Хейнс, глядящей на него сверху вниз, с ее плоским и вздернутым, как у мопса, носом, и компания ее друзей, столпившихся вокруг понаблюдать, как она изводит его своими ехидными остротами. Откуда она всегда знала, как задеть его побольше? И кто все время заступался за него? Конечно же, Энни – вот кто. Без поддержки Энни он так бы и остался изгоем и его юность была бы куда более несчастной.

Так что сегодня он здесь, в этом ресторане, чтобы защитить своего старого друга, пусть даже тот и не удосужился объявиться. Он берет телефон и пишет Энни второе сообщение:

Привет, я на месте, не вижу тебя. Опаздываешь? Пожалуйста, скажи, что ты не забыла.

Но ответа нет.

Следующее сообщение уже не такое сдержанное и миролюбивое.

Окей, она только что ушла, и я тоже уйду. Надеюсь, у тебя есть оправдание своему отсутствию.

Да, иногда он проявляет твердость, чтоб показать ей, что он не мальчик на побегушках и не собирается всю жизнь выполнять ее капризы – особенно когда она выходит замуж за кого-то другого. За кого-то, над кем не издевались в школе. За кого-то, кто даже не из Ладлоу.

Он вздыхает, убирает телефон в карман и отсчитывает деньги для официантки, которая, к счастью, увлечена разговором с другим посетителем. Если ему повезет, он успеет ускользнуть без объяснений. Когда-то он работал на дому и очень мало общался с людьми. Несколько недель назад, когда его девушка на время покинула город, он мог провести целый день, не проронив ни слова, и теперь с удовольствием вспоминает те времена. Они были наполнены покоем.

Выбравшись из ресторана, Кенни оглядывает парковку в поисках машины Энни – той, что Скотт подарил ей на свадьбу. Она обожает запах нового автомобиля и просит принюхаться каждый раз, когда подвозит его. Он всегда соглашается, не признаваясь, что на самом деле он из тех людей, что абсолютно равнодушны к запаху новых машин. Ему нравилось, как пахла ее старая машина – запах недопитого кофе, забытого в подстаканнике, жареной картошки и мыла Энни. Это был *ее* запах. А новая машина пахнет ничем.

Но Энни нет и на парковке. Она не сидит в автомобиле, собираясь с духом, чтобы выйти, как обычно делает, когда нервничает. Она просто не приехала, снова проделала один из своих трюков с исчезновением. Сделала то, чего большинство жителей городка от нее ожидать не могли. У Энни была репутация лапочки. Но те, кто знает ее получше, знакомы и с темной стороной – той, что пробуждается из-за стресса и из-за всего, что касается ее матери. Учитывая разговоры о парне, осужденном за убийство мамы Энни, и его грядущем освобождении, Кенни стоило бы предвидеть это.

Сожалея о своем последнем сообщении, он достает телефон и собирается написать Энни снова, но тут в его голову приходит идея получше. Он догадывается, куда та запропастилась. И может сделать больше, чем отправить очередное сообщение. Он найдет ее и простит ей исчезновение, как это было всегда.

Клэри

Птица как сквозь землю провалилась. Голубь по кличке Мика¹, ее любимец, не вернулся. Он не просто задержался, как она говорила себе, придя домой со службы и найдя трех остальных голубей в целости и сохранности. Он исчез.

Иногда такое случается – она это знает. Как-никак именно пропавшая птица стала причиной ее собственного решения разводить голубей. Она нашла одну много лет назад, в день, когда ей так хотелось чувствовать себя кому-нибудь нужной, и та птица нуждалась в ней. Так что она знает, такое может произойти и происходит – просто никогда не случалось с ней.

Ей хочется в туалет, и сильно, но она игнорирует позыв, снова пересчитывая голубей, как будто могла обсчитаться. Будто благодаря этому птица магическим образом появится, как кролик из шляпы фокусника. Раз-два-три – вуаля! Конечно, ничего не меняется, и жердочка, где обычно сидит Мика, остается пустой. Клэри представляет его там, как он по своему обыкновению изучает ее, наклонив головку и глядя так, словно видит ее насквозь. Это самый занят-

¹ Мика (англ.) – слюда.

ный из ее голубей, обладатель переливающихся серебристых перышек на кончиках крыльев, напоминающих ей о камешках, которые они с Энни собирали в детстве, воображая, что это сокровища и прожилки в них по-настоящему серебряные.

Сегодня на похоронах Уилли Макгерта она выбрала Мику на роль покидающей тело души. Остальные три птицы символизировали Отца, Сына и Святой дух – проводников, нужных, чтобы указать Уилли путь на небеса. Наверное, все это слегка чересчур, но всегда утешает скорбящих. Ком до сих пор стоит у нее в горле – так происходило каждый раз, когда она выпускала голубей. Но сегодня все было особенно трогательно – даже ошеломляюще. По всему телу пробегает дрожь, когда она вспоминает об этом – и о том, что Мика не вернулся с остальными.

Она разрешила вдове Уилли, Майре, поддержать голубя перед тем, как позволить ему взмыть в небо. Майра поцеловала маленькую головку птицы и выпустила ту в воздух. Голуби взлетели как обычно, но, пока набирали высоту, видимо, заметили хищника, потому что быстро залетели назад под тент, установленный на кладбище. Однако для людей, собравшихся там, это выглядело словно птицы решили вернуться по собственной воле. Три голубя облюбовали в качестве жердочки стебли цветов на крышке гроба Уилли, а Мика предпочел пустое кресло рядом с Майрой.

Все участники церемонии ахнули, когда Мика уселся и начал пристально изучать Майру. Остальные три птицы смотрели на Мику, и казалось, будто Уилли, муж Майры, с которым она прожила пятьдесят четыре года, говорит последнее «прощай», а Святая Троица одобрительно наблюдает. Все умолкли и, как показалось Клэри, задержали дыхание. А потом, безо всякого предупреждения, четверка снова дружно взмыла в небо. В молчании скорбящие поднялись со своих мест, вышли из-под тента и наблюдали за голубями, пока те не скрылись в облаках.

Но Мика так и не вернулся из того полета, и Клэри ломает голову, что могло пойти не так. В отчаянии она выкрикивает кличку птицы. «Мика!» – зовет она, задрав голову к небу.

Громкий шум пугает остальных голубей – всего их четырнадцать, – и они начинают хлопать крыльями. Сила их крыльев порождает шум и поднимает ветер. Двое из них пикируют ей на голову и почти касаются ее лохматых волос, после чего возвращаются на жердочку. Звук затихает, и в голубятне снова воцаряется тишина, которую нарушает только биение ее сердца. Птицы изучают ее своими пронзительными, пронизательными глазами. Вот бы она могла спросить их, где Мика. Вот бы они могли ей показать. Но придется искать самой. Никто, кроме Клэри, не способен найти то, что она потеряла.

Энни

– Мне нужно идти, – говорит она, но не двигается с места. Кенни пропускает ее слова мимо ушей, притягивает к себе и, словно старший брат, целует в макушку. Иногда ей хочется, чтобы он на самом деле был ее братом или кузеном – кем-то близким. Пусть местами их отношения и выходят за рамки родственных, они никогда не пересекали черту – после того единственного случая в школе. Будь Кенни членом ее семьи, им не пришлось бы расстаться через несколько недель. Меняешь фамилию – теряешь лучшего друга, думает она и вздыхает.

– Останься, – просит ее он. – Пусть поломают голову.

– О, они уже ломают. Ты не единственный человек, на встречу с которым я сегодня не явилась. Уверена, в телефоне уже пятьдесят семь пропущенных звонков и сообщений. – Она загибает пальцы, перечисляя людей, которые сейчас могут ее разыскивать: – Барбара Тодд из загородного клуба, тетя Фэй, Треиси, Лорел Хейнс...

– Она была в ярости, – говорит Кенни и смеется. – Ты бы видела, в каком состоянии она выскочила из ресторана.

– Пусть встанет в очередь. Наверняка она хотела встретиться только для того, чтобы разузнать о моей матери. Как будто ей есть дело до свадьбы.

– И тем не менее это свадьба года, – возражает Кенни. Он задумывается. – Может, даже десятилетия.

– А ты собираешься все пропустить. – Энни качает головой и недовольно цокает языком. – Стыдись! – Она чувствует, как он напрягается, и шутиливо подталкивает его локтем. – Не будь неженкой! Я просто шучу.

Он смотрит на нее. За толстыми стеклами очков его зеленые глаза кажутся больше, чем на самом деле. В этих очках он выглядит как Кларк Кент. Его лоб даже украшает завитушка темных волос. Но если вы снимете с Кенни очки, он не превратится в Супермена. Он просто станет чуть симпатичнее. Он не умеет перепрыгивать небоскребы или взмывать высоко в небо. Но он отлично знает, когда ей нужна защита. Она будет скучать, когда он исчезнет из ее жизни. Она хочет сказать ему об этом, но Кенни опережает ее.

– Может, тебе *и правда* пора идти, – говорит он и чуть отодвигается от Энни. – Не хочу тебя задерживать, когда все эти люди так беспокоятся.

Она не в настроении спорить и уговаривать его. К тому же ей действительно пора. Так что она просто отвечает:

– Окей. – И добавляет: – Спасибо, что нашел меня сегодня.

– Ты говоришь так, словно это какая-то тайна, – отвечает он.

Энни морщит носик:

– Ну, для большинства так и есть.

– Ты прекрасно знаешь, *что* я думаю об этом. Ты не считаешь нужным говорить своему жениху, где скрываешься, когда расстроена, зато сообщаем мне. Что бы это значило?

– Ты знаешь меня... не такой... как знает он. – Она снова приводит тот же аргумент, что и всегда. – Ты знаешь меня дольше, вот и все. И у меня не было особых причин ему рассказывать.

– Их не было, потому что ты не хотела, чтобы он знал, – говорит Кенни. – Ты заставила его думать, что ты маленькая принцесса – розы, единороги, милая улыбочка и так далее. Он попался на тот же трюк, что и весь город.

Она легонько толкает его.

– Ничего подобного.

– Ну да, все так и есть. Ты убедила его – как и весь город, – что излучаешь свет и любовь, что у тебя нет темной стороны. Черт, да ты и выходишь за него только из-за этого. Если бы ты была честна с ним – и честна с собой, – ты бы на это не отважилась.

– Полагаю, ты считаешь, я должна выйти за тебя.

Его лицо искажается от боли, словно она дала ему пощечину. Несколько секунд они молча смотрят друг на друга. Она видит, что он раздумывает, стоит ли ему зайти дальше.

– Ты бы не стала ввязываться в эту бизнес-сделку, которую зовешь любовью, – говорит он. – Ты бы не продалась по дешевке. – Он закатывает глаза и отодвигается, давая ей знать, что разговор закончен. У него тоже есть гордость.

Если бы она хотела, она могла бы сократить эту дистанцию между ними, могла бы все наладить. Но она защищает свою территорию. Они должны отпустить друг друга, предоставить друг другу свободу выбора. Сейчас ей нужно отнестись к нему по-доброму, даже если он принимает эту доброту за жестокость. Она не знает, как все закончится, и не хочет знать, но она уже дала согласие другому человеку. Выбор сделан, и давать ему надежду, что все могло бы быть по-другому, нечестно. И все же... Она наклоняется и целует его, нейтрально, по-дружески, как европейцы делают каждый день.

Он остается неподвижен, безучастен.

– Теперь я пойду, – говорит она, желая, чтобы он заговорил, чтобы остановил ее. Она не хочет уходить, не сейчас. Она могла бы остаться еще на несколько минут. Они могли бы продолжить разговор.

Но Кенни молчит и смотрит в сторону, пока она разглаживает свою помятую одежду. Она стряхивает сосновые иголки и кусочки сухих листьев, прилипшие к ее шортам, и ее взгляд снова падает на то место, где умерла ее мать, место, куда она любит приходить, когда чувствует, что ей плохо и что она запуталась. В последнее время это происходит все чаще, и Кенни – единственный человек, который знает об этом. Ей не хотелось рассказывать кому-либо еще.

Она знает, что это чего-то стоит, что Кенни прав. С ее стороны жестоко притворяться, что все иначе, но не притворяться – значит открыть дверь, которую она отчаянно пытается закрыть. Ей нужно поступить правильно, выйти замуж за правильного человека. И это не Кенни, а Скотт. Кенни, конечно, не понимает этого. Он не знает *правил*. А она знает – и всегда знала, – чего именно от нее ждут и какова ее роль в этом городе. Энни не может позволить себе выйти замуж за изгоя – даже если это ее старый друг. Она должна связать свою жизнь с мужчиной, который идеально соответствует ей, с тем, кого публика желает увидеть у алтаря через несколько недель. Она должна приносить городу счастье, как делала всегда. Это ее жертва, ее вклад в общее благо. Если ты – единственное напоминание о темных для городка временах, делай все, чтобы нести свет.

Она идет прочь, но Кенни не окликает ее и не пытается вернуть. Он просто дает ей уйти.

Фэй

– Не могу поверить, что ее еще нет, – ворчит Фэй, бросая взгляд на огромные часы. Она повесила их на стену, чтобы все – и клиенты, и стилисты – всегда были в курсе, который час. *«Трудно притворяться, что не имел понятия, сколько времени, когда перед твоим носом гигантский циферблат»*, – любит говорить она. Фэй впервые опробовала трюк с часами дома, на девочках, когда те были подростками, но вразумить их оказалось куда сложнее, чем сотрудников и клиентов, – Энни и Клэри жили по собственному расписанию и по собственным правилам.

Чего-то подобного она и ожидала, но не думала, что Энни пропустит пробную свадебную укладку. Она не единожды напоминала ей об этом, но каждый раз не могла отделаться от ощущения, что Энни ее не слушает. В последнее время та была слишком рассеяна из-за разговоров об освобождении Корделла Льюиса. Эта история расстраивала все ее свадебные планы, потому-то Фэй и затеяла примерку. Ей хотелось переключить внимание Энни на свадебное торжество – отвлечь от мыслей о человеке, повлиявшем на их жизнь слишком сильно и слишком долго.

В кресле перед ней, изо всех сил пытаясь скрыть выражение неудовольствия на лице, сидит Трейси Дуглас. Она пытается примириться с тем, что Энни пропустила их встречу, но у нее не очень-то получается. Фэй испытывает нечто подобное. Иногда Энни требует от них больше терпения, чем у них есть, – вот как сегодня.

Фэй почувствовала неладное сегодня утром, когда обнаружила Энни читающей за завтраком. Увидев, как в комнату входит Фэй с чашкой кофе в руке, Энни что-то быстро сложила и сунула между страницами свадебного журнала, притворившись, что с головой погружена в его изучение.

– Что читаешь? – поинтересовалась Фэй, давая Энни возможность сказать правду.

Энни ткнула пальцем в страницу и соврала:

– Статью о том, как лучше рассаживать гостей на торжестве. – Она невинно подняла глаза на Фэй. – Нам надо обязательно это обсудить.

– Конечно, – не стала настаивать Фэй. В конце концов, у Энни могут быть свои секреты. К тому же она уже не девочка, а через пару недель и вовсе станет замужней женщиной. Женщиной, которая уедет из этого города. Фэй отбросила эту мысль. – Может сегодня, когда закончим в салоне?

– Угу, – промычала Энни и закрылась журналом, тогда Фэй окончательно убедилась, что та не обращает на нее никакого внимания. Теперь она уже жалела, что не надавила на Энни и не напомнила еще разок, что нужно появиться в салоне после ланча с журналисткой. Ох уж эта журналистка, примчалась в надежде пожить сенсацией, и Фэй опасается, что ее интересует не только свадьба. Она глаз не сведет с Лорел Хейнс. Она провела всю жизнь, защищая Энни, и не собирается прекращать.

Когда Энни ушла в душ, Фэй пролистала журнал, чтобы выяснить, что именно та прятала, но, что бы это ни было, оно исчезло. Предмет в руках Энни напоминал официальное письмо, и Фэй подозревала, откуда оно. Будь ее воля – уж она бы выбила из этого адвоката дурь. Доказывать невиновность Льюиса – его работа, а не задача Энни. Должен ли Корделл Льюис сидеть в тюрьме – не ей решать. Оставьте, наконец, девочку в покое!

– Думаете, нам нужно позвонить ей? – спрашивает Трейси, и пальцы Фэй, заплетающие локоны в прическу из того самого журнала, который Энни «читала» этим утром, замирают. Фэй делает прическу по памяти и знает, что Трейси сомневается, сможет ли она правильно воспроизвести ее. Но журнал у Энни, а Энни здесь нет.

– Я пыталась, – отвечает Фэй. – Но она не ответила. И не перезвонила.

– Давайте я напишу ей, – предлагает Трейси, и на ее лице отражается такое рвение, словно ради Фэй она готова свернуть горы. Трейси еще в школе пыталась всем угодить, но она лучшая подруга Энни, так что ничего не попишешь. К тому же Фэй подозревает, что ее племянница не особенно дорожит дружбой с Трейси и они наверняка потеряют связь, как только Энни уедет.

Энни уедет. Эта мысль застаёт ее врасплох, раз за разом. Фэй всегда страдала из-за того, что племяннице не удалось найти достойного парня в их родном городе. Конечно, ей нравился Скотт Хэнсон, но она злилась, что он забирает у нее Энни. Энни, покидающая город и оставляющая ее. О таком она и не думала.

Фэй качает головой:

– Я уже пыталась. Много раз. – Она закатывает глаза – привычка, подхваченная от Энни и Клэри, и добавляет, просто чтобы не молчать: – Они со Скоттом, наверное, слишком заняты, строя друг другу глазки.

– А может, и не только, – предполагает Лоис Хендрикс из соседнего кресла, а потом издает громкий смешок, приглашая остальных присоединиться к ней. Несколько клиентов вежливо хихикают.

– Нет уж, я даже думать о таком не хочу, – шутливо ворчит Фэй.

Лоис снова смеется, но уже с меньшим энтузиазмом, а потом откидывается в кресле, поняв, что лучше не развивать тему. Фэй не ханжа, но она совершенно точно не хочет рассуждать о сексуальной жизни своей племянницы.

– Знаешь, как мы поступим? Мы сделаем тебе бесплатный массаж лица. За твои хлопоты, – говорит она Трейси.

– Вот бы *мне* кто-нибудь сделал бесплатный массаж, – ворчит Лоис себе под нос, достаточно громко, чтобы слышали все. Но никто не обращает на нее внимания. Лоис одна из самых богатых женщин в городе, но далеко не самая умная. Когда-то она была красавицей, но тот поезд давно ушел. Теперь Лоис тратит львиную долю своего времени, стоя на станции, размахивая платочком и умоляя, чтобы он вернулся. Иными словами – пропадает дни напролет в салоне у Фэй. Лоис здесь такой же привычный элемент декора, как здоровенные часы на стене.

– Не надо, – отвечает Трейси. – Он мне не нужен. – Она подносит лицо ближе к зеркалу, как будто пытаясь найти там подтверждение своим словам.

Фэй слегка похлопывает Трейси по плечу:

– Ты права. Ни к чему. Вот бы мне такую кожу.

Она смотрит на Лоис, ища одобрения. *Я права?* Но Лоис делает вид, что увлечена старым выпуском журнала «Пипл». Что ж, пусть дуется. Долго она не продержится. Салон Фэй

далеко не единственный в городе, но определенно самый лучший. Клиенты любят ее, и график расписан на много дней вперед. В жизни Фэй не так много вещей, на которые она может с уверенностью положиться, но ее работа точно из их числа.

Трейси что-то бормочет, и Фэй наклоняется к ней:

– Что, милая? Я не расслышала.

– Ничего, – отвечает Трейси, и на ее щеках расцветают два алых пятна. Фэй хорошо знакома эта ее привычка: краснеть и смущаться из-за пустяков.

– Ну брось, теперь тебе придется мне сказать, – настаивает Фэй и слегка подталкивает девушку локтем, чтобы приободрить.

На лице Трейси отражается внутренняя борьба. Она поглядывает на входную дверь, как будто опасается, что внезапно появится Энни и поймает ее на месте преступления. Поняв, что ничего подобного не предвидится, она делает глубокий вдох.

– Я просто сказала, что не понимаю, почему Энни не пришла... Не ко мне, конечно, а к вам, – поспешно добавляет она и вздыхает. – Вы столько для нее сделали...

Фэй делает шаг назад. Ее не удивляет, когда подобные слова – о том, какой она чудесный человек, сколь многим пожертвовала для своей племянницы и так далее, – говорят ей женщины ее возраста. Но подружки Энни? Обычно им нет до этого никакого дела.

– Что ж, – осторожно отвечает Фэй. – Это ее свадьба. А я сделала то, что сделала бы любая мать. – Она пожимает плечами с надеждой, что этот жест придаст ей равнодушный вид. – И я самый близкий человек, который у нее есть, – добавляет она зачем-то.

Трейси ищет глаза Фэй в зеркале. Когда Фэй неохотно встречается с ней взглядом, та секунду смотрит на нее, а потом произносит:

– Я говорю не только о свадьбе. – Она собирается сказать что-то еще, но тут же испуганно закрывает рот. Она и так сказала слишком много, и храбрость оставляет ее.

Но Фэй и так знает, что она имеет в виду, что пытается выразить. И она дорожит этим. Фэй кладет руку на плечо Трейси:

– Спасибо, милая. Это многое для меня значит.

Трейси кивает:

– Я просто сказала правду.

– Кто угодно поступил бы так же, – говорит Фэй, хотя знает, что это не совсем так. Она слышала эти слова достаточно часто и не тешит себя иллюзиями. Она не *кто угодно*, как и Лидия. Фэй задумывается о своей покойной сестре, но только на мгновение – это все, что она может себе позволить. Нет смысла жить прошлым. Впереди свадьба и новая жизнь. Как только невеста придет, они займутся делом.

Энни объявляется к ужину. Дверь открывается, и она влетает в дом, громко оповещая о своем возвращении: «Эй, я дома!»

Она всегда ведет себя так после исчезновений. Позже она будет делать вид, что ничего не произошло, и рассчитывать на прощение. Это часть их негласного соглашения, выработанного за годы: да, я порченный товар, но ты же знаешь, что мне пришлось пережить, когда я была ребенком. Ты растила меня, и я стала тебе хорошей дочерью. Я устрою так, что снаружи все будет выглядеть идеально, можешь на меня положиться, ты не пожалеешь. Но когда я сорвусь, ты мне это позволишь. Ты все поймешь.

Фэй гадает, знает ли Скотт о приступах плохого настроения Энни, понимает ли, что ей необходимы эти срывы. Фэй и Клэри уже привыкли к ним, научились распознавать их приближение, изучили циклы. Но Фэй боится, что Энни держит темную сторону своей личности в тайне от жениха. Ведь так, по сути, и поступают люди, когда влюбляются: они скрывают, кто они есть на самом деле, как можно дольше, опасаясь, что стоит только стать собой, и их сразу разлюбят. Однажды она пыталась поговорить с Энни об этом, в качестве пробного шара

использовав тему смерти Лидии (она сказала «*смерть*», а не «*убийство*» – так звучало мягче) и то, как эта трагедия повлияла на них всех (она добавила сюда себя и Клэри, чтобы Энни не подумала, что разговор нацелен только на нее). Но Энни сразу раскусила Фэй и отказалась обсуждать эту тему.

– Я просто строю новую жизнь, – сказала она. – Подальше отсюда. Подальше от всего этого.

И, глядя на нее, Фэй ей поверила.

– И тебе привет, – отвечает Фэй из кухни. Она слышит, как Энни кладет свою сумочку и ключи на столик в фойе и скидывает туфли – она делает так с тех пор, как начала водить машину: *илеп, дзынь, бум, бум*. Она будет скучать по этим звукам, звукам присутствия Энни, символам домашнего уюта и единения. Она уже точно знает, что после свадьбы будет ловить себя на том, что замирает в ожидании знакомого шума, то и дело забывая, что этот этап ее жизни остался позади. Она встряхивает головой и хорошенько взбалтывает заправку для салата. Нельзя быть настолько сентиментальной.

Из-за угла появляется Энни и награждает ее широкой улыбкой – из тех, что она использует, когда пытается оттянуть нежелательный разговор.

В ответ Фэй поднимает бровь.

– Мы сегодня ждали тебя в салоне, – говорит она, тщательно подбирая слова.

– Да, – отзывается Энни. – Мне очень жаль. Я... Было много дел... – Она наклоняет голову, и уголки ее рта ползут вниз – попытка казаться пристыженной. – Прости... Я уже позвонила Трейси.

– По-моему, она злится, что ты не пришла, – замечает Фэй. Превосходный план: обставить все так, будто злится кто-то еще. Не она сама.

– Да, – снова соглашается Энни. – Она сказала, что я не должна была всех вас подводить. Я объяснила, что просто забыла про встречу, а когда спохватилась, было уже слишком поздно. – Она умоляюще складывает ладони. – В последнее время приходится столько всего держать в голове.

Фэй протягивает ей миску с салатом, и Энни приходится опустить руки, чтобы взять ее. Она молча идет в столовую и ставит миску на стол. Этот дом когда-то принадлежал семье отца Энни. Они позволили Лидии воспитывать в нем девочку после того, как тот разбился на мотоцикле, а потом, когда умерла уже Лидия, разрешили Фэй и Клэри «остаться еще ненадолго». С тех пор миновало двадцать три года, но они по-прежнему не чувствуют себя здесь как дома.

Иногда Фэй размышляет, какой бы дом для себя и девочек выбрала она сама. Они с мужем и Клэри жили в съемной квартире, когда им позвонили и сообщили, что Лидии не стало. Она отправилась в Ладлоу, чтобы позаботиться о своей осиротевшей племяннице, но все были уверены, что она просто заберет Энни и вернется в Вирджинию к мужу. Однако Фэй так и не вернулась – за исключением короткого вынужденного визита, чтобы забрать свои вещи. Она осталась в этом доме, чтобы растить дочь и племянницу, получила работу в салоне, который потом ей неожиданно удалось купить, и построила собственную жизнь. Но иногда Фэй задумывается: действительно ли она хотела такой жизни или просто смирилась с обстоятельствами? Впрочем, рефлексировать на эту тему все равно некогда – ее то и дело прерывают те, кому что-нибудь от нее нужно.

– Где Клэри? – спрашивает Энни с набитым ртом. Фэй не нужно смотреть на нее, чтобы понять: она жует кусочек огурца для салата.

– Она в голубятне, – отвечает Фэй, беря соус ранч для Клэри, блю-чиз для себя и итальянскую заправку для Энни, чтобы отнести их к столу. Снаружи слишком жарко, чтобы заставить себя есть более тяжелую пищу. Одна из клиенток принесла ей свежие помидоры и огурцы из собственного огорода – первый урожай в этом году, и она сразу решила приготовить на ужин салат. Она подходит к столу и тяжело опускает на него заправки, расставляя их для троих.

Было бы здорово, если бы им нравилось одно и то же, но, увы, это не так. Три вида мороженого в морозилке, три разновидности газировки, три заправки.

– Она расстроена, – говорит Фэй Энни.

Энни обеспокоенно смотрит на нее. Никто не любит, когда Клэри в дурном настроении.

– Из-за меня?

Если подумать, это вполне резонное предположение.

– Нет, – отвечает Фэй, еще раз перемешивая салат щипцами, хотя в этом нет необходимости. – У нее пропал голубь.

– Только не это! – восклицает Энни. – Он погиб? Как жалко.

Фэй пожимает плечами.

– Не знаю. Она не может его найти. Она выпускала птиц на похоронах. Помнишь Майру Макгерт?

Энни кивает.

– Так вот, ее муж умер, и Майра пригласила Клэри на похороны. Но один из голубей так и не вернулся.

– Но другие вернулись? – спрашивает Энни. Она собирается стянуть еще один огурец, но Фэй останавливает ее руку.

– Положи себе немного салата, если ты голодна, – ворчит она и возвращается к разговору:

– Наверное, да. Ты знаешь, я не очень разбираюсь в этих ее птицах.

Фэй известно немного: однажды, девять лет назад, ее дочь принесла домой раненого голубя с твердым намерением выходить его и вернуть владельцу. Ей было девятнадцать, и она только что вернулась из Шарлотта в Северной Каролине – ее первая попытка жить самостоятельно после окончания школы, которая не продлилась долго. Клэри действительно удалось вернуть птицу хозяину, и Фэй решила, что на этом все закончится. Однако Клэри, напротив, загорелась идеей, принялась упрашивать ее построить собственную голубятню и начать выращивать птиц на заднем дворе.

Клэри утверждает, что голуби – особенные птицы, но Фэй не разделяет ее мнения. Достаточно и того, что она просто спокойно относится к странному увлечению своей дочери. Иногда люди платят Клэри за выпуск голубей на свадьбах или похоронах, иногда – за экскурсии на голубятню для школьников. Фэй считает, что все могло быть и хуже. Она знает, Клэри хочет, чтобы мать гордилась ею, чтобы понимала, что птицы для нее значат, но это уже выше ее сил.

Энни не тянется за щипцами, чтобы наполнить свою тарелку, и тогда Фэй решает поесть сама. Она голодна и не может вспомнить, обедала ли сегодня вообще. Утром Фэй по обыкновению перехватила несколько крекеров – ее типичный завтрак уже много дней. Здоровое питание, о котором то и дело вещает Энни, – не ее конек. Но, в конце концов, она приготовила на ужин салат!

– Знаешь, что тебе нужно сделать? – продолжает Фэй. – Выйди и позови ее ужинать. Притащи ее, если нужно. Она не может оставаться там до ночи.

Большие голубые глаза Энни становятся еще больше.

– Она что, торчит там весь день?

Фэй кивает и садится за стол с тарелкой салата.

– Пишет объявления, звонит в ветеринарную службу, глазеет в небеса. Она в отчаянии. – Фэй добавляет к салату несколько кусочков цыпленка гриль и щедро сдабривает их соусом блю-чиз.

Энни наблюдает, скорчив недовольную гримасу:

– Ты же понимаешь, что все это жутко вредно для тебя?

Фэй игнорирует ее слова и отправляет в рот полную ложку.

– Просто позови ее, хорошо? – говорит она с набитым ртом.

К счастью, Энни уже направляется к двери, давая Фэй время спокойно поесть – пусть и недолго.

Клэри

– Дай угадаю, ты пришла сюда сказать, что ужин готов и мне пора идти в дом, – говорит Клэри, увидев приближающуюся Энни.

Уже конец дня, но ее кухня выглядит свежей и бодрой, как утром. Клэри не понимает, как Энни это удается и почему она сама лишена подобных генов. Они ведь, в конце концов, родственницы и даже похожи внешне: глаза Энни такого же голубого цвета, как у нее, а Клэри, до того как начала красить волосы, тоже была блондинкой. Когда они были маленькими, Фэй даже пробовала одевать их как двойняшек – правда, никто на это не купился. «Подружки? – интересовались люди и делали характерное: – Оу-у-у», когда Фэй отвечала, что кузины.

Энни останавливается рядом с голубятней и указывает в направлении дома.

– Салат, – разъясняет она. – И остатки цыпленка гриль в маринаде из 7UP, которого она готовила в выходные. Но зато овощи свежие, прямо с чьего-то огорода. – Энни нараспев протягивает последнюю фразу и комично машет руками, вызывая у сестры невольную улыбку.

Вообще, Клэри не уверена, что сможет сейчас съесть хоть кусочек – она слишком волнуется за Мику. Но ее желудок имеет собственное мнение на этот счет и выражает его громким урчанием: *а вот и сможешь*.

– Она снова дала мне один из своих фирменных советов. Из серии «Знаешь, что тебе нужно сделать...».

Клэри кивает. Советы ее матери всегда больше чем советы. Это приказы, замаскированные под советы, чтобы не выходить за рамки приличий. В салоне она обращается с этим «Знаете, что вам нужно сделать...» к своим клиенткам, и те, конечно, внимательно прислушиваются к каждому ее слову. Фэй уверена, что так же получится и дома, но это никогда не работает.

– Она сейчас там, ужинает в гордом одиночестве. Перезаряжает ружье и готовится палить. – В голосе Энни звучат зловещие нотки. Это их с Клэри старая шутка, подслушанная в каком-то кино. Перезарядившись, Фэй обстреляет их новыми доводами, применит свежую стратегию наступления. Стоит им только вернуться, и она сразу же примется за одну из них. Вопрос – за кого именно.

– Погоди, – просит ее Клэри. Присутствие кухни нервирует и ее саму, и голубей. Они разглядывают Энни из-за проволочной сетки и переминаются на жердочке, прикидывая, стоит ли расценивать ее как хищника. – Она не опасна, – говорит Клэри голубям, но потом вспоминает недавний разговор с Энни и задумывается, действительно ли это так.

– Фэй сказала, ты потеряла одного из голубей? – спрашивает Энни. Ее голос звучит нерешительно, и Клэри понимает, что Энни расспрашивает ее по указке Фэй, но сама не в восторге от этой идеи.

– Да, – сухо отвечает Клэри, не собираясь вдаваться в подробности. Она не будет обсуждать эту тему ни с кем, кроме ее ветеринара, специалиста по птицам из Гринвилла, который уже замолвил словечко насчет Мики среди своих коллег. Это тот самый ветеринар, который несколько лет назад помог ей вернуть пропавшую птицу владельцу, после чего владелец, преисполнившись благодарности, поддержал Клэри с ее новым хобби, со временем переросшим в небольшой бизнес. Правда, денег по-прежнему недостаточно, и она вынуждена заниматься халтурой на стороне.

Она вспоминает про подработку – завтра она обещала отвезти на прогулку мисс Минни, а значит, поиски Мики придется отложить. Очень жаль, ведь она собиралась поехать по соседним городкам и раздать местным ветеринарам и владельцам зоомагазинов листовки с объяв-

лением о пропаже – невозможно угадать, как далеко улетел Мика и когда он может вернуться. Клэри была так озабочена его исчезновением, что начисто забыла обо всем остальном.

– Дерьмо, – цедит она, забывая, что Энни еще находится рядом.

– Что такое? – интересуется Энни.

Клэри мотает головой.

– Ничего. Я просто вспомнила, что надо работать. Сегодня мисс Минни встречалась с доктором в Гринвилле, но завтра мне нужно отвезти ее на прогулку и сообразить что-то на ужин. А значит, я не смогу искать Мику.

– Мику? – переспрашивает Энни озадаченно.

– Моего голубя. Того, что пропал.

– А, – отвечает Энни. – Я не знала их имена.

Клэри пожимает плечами.

– Другого я и не ожидала.

– Так какой из них был Микой?

– Не был, а *есть*. Он не умер, а просто пропал, – говорит она, от всего сердца надеясь, что так и есть.

– Прости, – говорит Энни и поправляется: – Какой из них – Мика?

– Тот, что с серебристыми перьями. Кентуккийский бриллиантовый, один из моих старичков. Я получила его от парня, который вывел эту породу. Я нашла одну из его потерявшихся птиц, а взамен он подарил мне Мику. С этого, собственно, все и началось. – Она обводит рукой голубятню, которую Фэй когда-то позволила выстроить в тени деревьев на заднем дворе.

– Ты никогда мне об этом не рассказывала, – говорит Энни.

Клэри пожимает плечами. Она не любит ворошить прошлое, потому что ей отлично известно, куда это может привести.

– Ты тогда все равно была на учебе. – Клэри пытается заставить свой голос звучать беззаботно и молится, чтобы Энни не вспомнила про Трэвиса. В последнее время она любит поговорить о Трэвисе и бесконечно бубнит, что «поступила правильно». Только вот у Клэри другое мнение на этот счет.

– Ты знаешь, я готова ради твоей свадьбы на что угодно, но не на *такое*, – сказала ей Клэри, когда они впервые заговорили обо всем этом. – Хочешь очистить свою совесть перед Корделлом Льюисом – валяй. Но, пожалуйста, не проси меня о том же. – Она возмущенно фыркнула, вообразив, что ее голос звучит сейчас как у Скарлетт О’Хара – если бы у той был пирсинг, татуировки и несуществующий в природе цвет волос. – Я не сделала ничего плохого Трэвису Даву, и, кажется, чувствует он себя прекрасно. С чего бы мне ворошить осиное гнездо? И зачем тебе это нужно?

К счастью, на сей раз Энни не связывает случившееся с Трэвисом, и разговор о нем так и не заходит. Впрочем, Клэри не сомневается, что скоро услышит это имя снова.

– Мика, – говорит вместо этого Энни и улыбается. – Кончики крыльев серебристые, как те камешки, верно?

Клэри поднимает на нее глаза и улыбается в ответ. Энни старается. Клэри видит и ценит это.

– Да, – соглашается она. – Те, что мы собирали, когда были детьми.

На лице Энни вспыхивает улыбка – как обычно ослепительная, будто заливающая светом все вокруг – и разгоняющая сумрак уходящего дня. Скоро ночь, а Мика там один, в темноте. Клэри делает глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

– Мы думали, что разбогатеет, помнишь? – спрашивает Энни, и ее голос напоминает голос той малышки, которой она была много лет назад.

– Да, – отвечает Клэри. – Помню.

В это время голуби в голубятне начинают ворковать. Их товарищи с соседних деревьев подхватывают эту песню. Воцаряется покой и – почти – тишина, но Энни тут же нарушает ее своими словами. Энни любит нарушать тишину. Жить с ней в одной комнате в детстве было невыносимо.

– Если тебе нужна помощь с мисс Минни, я могу тебя прикрыть. – Она пожимает плечами. – Все равно я ничем не занята.

Ее начальник недавно уволился и оставил дела в ужасном беспорядке. В преддверии свадьбы и грядущего отъезда Энни собиралась оставить свою работу специалиста по маркетингу в сети продуктовых магазинов. Вместо того чтобы ждать перемен и знакомства с новым боссом, они со Скоттом решили, что она просто уйдет чуть раньше. Она собиралась искать новую работу в Норкроссе, в Джорджии, куда после свадьбы уедет со Скоттом – его перевели туда с прежней работы. Но Клэри пока не замечала, чтобы Энни искала что-то.

– Это даст тебе время на поиски Мики. – Брови Энни над ее сапфировыми глазами вопросительно изгибаются. – Так ведь?

Клэри прищуривается на кухню и многозначительно ухмыляется.

– Не думаю, что ты до конца понимаешь, о чем просишь, – говорит она. – У нас с мисс Минни разработан маршрут на каждый день. У нас есть расписание. И она рвет и мечет, если мы хоть что-то нарушаем. Я не уверена даже, что она примет твою помощь. Ты для нее чужая.

Энни делает нетерпеливый жест рукой, отмахиваясь от аргументов Клэри.

– Все будет в порядке, – отвечает она с озорной улыбкой. – Все в нашем городке любят меня, забыла? – Она смеется, подтрунивая над Клэри, которая не упускает шанса ткнуть ее носом в тот факт, как все вокруг любят Энни и как легко она справляется с трудностями благодаря сочетанию личного обаяния и трагического прошлого. Все это – фальшивка, и никто не знает этого так же хорошо, как Клэри, которая своими глазами наблюдала за тем, как Энни создает и культивирует свой драматический образ.

Они обе росли и становились собой бок о бок. Обе перевидали множество версий друг друга, примеряли и отбрасывали их одну за другой, пока не остановились на текущих вариантах. Обе знали, какие элементы этих отвергнутых версий они сохранили, не сумев отпустить. Для Энни это привычка исчезать, когда наступают трудные времена. Для Клэри – нечто совсем иное.

Она собирается обсудить это нечто – и их предыдущий разговор о Трэвисе, – когда у Энни звонит телефон – «Дикси Капс» поют «Идем в часовню, чтобы пожениться»². Шум снова будоражит птиц. Порыв ветра, поднятый их крыльями, взлохмачивает волосы Клэри, и та с укором смотрит на нарушительницу спокойствия. Но Энни не замечает недовольного взгляда кухни. Она слишком занята своим телефоном. Клэри видит, что на мгновение Энни сомневается, стоит ли брать трубку, и по ее лицу пробегает тень паники, или сожаления, или какого-то еще неуловимого чувства, но в конце концов она отвечает на звонок.

– Привет, малыш, – произносит она, и ее голос полностью меняется, становится мягче. Она смотрит на Клэри. «Скотт», произносит она одними губами. Можно подумать, Энни называет «малышом» каждого, кто ей звонит!

Энни отходит достаточно далеко, чтобы ее не было слышно, а Клэри направляется к дому, на ходу раздумывая, стоит ли Энни позволить присмотреть за мисс Минни, пока она будет искать Мику. Будет здорово, что у нее появится время на поиски, но не нарушат ли перемены спокойствие Минни? Клэри приходилось не раз выкручиваться, работая с похмелья или во время болезни – все, чтобы не выбиться из привычного расписания. Она гадает, как прогулка с незнакомым человеком повлияет на Минни, да и заметит ли та, в ее-то почтенном возрасте, что

² «Дикси Капс» (Dixie Cups) – популярная в США девчачья группа 1960-х годов. «Идем в часовню, чтобы пожениться» (Goin' to the chapel and we're gonna get married) – первая строчка суперхита группы «Часовня любви» (Chapel of Love).

рядом с ней не Клэри? Важно ли для мисс Минни, кто ее компаньон, или же она наслаждается поездкой самой по себе? Клэри решает, что игра стоит свеч. В конце концов, что страшного может случиться?

* * *

Клэри занимает свое место за столом – то самое, которое выбрала еще в детстве. Она смотрит на Фэй слева от себя и на Энни справа. Она знает: собираясь за ужином вместе, все они думают об одном и том же: не в последний ли это раз? Скоро Энни уедет, и останутся только они вдвоем: Клэри и ее мать. А если Энни и будет навещать их, то уже вместе со Скоттом, а потом и с детьми. Всего несколько недель – и что-то закончится, а что-то начнется.

Хотя Фэй уже доела, она не торопится уходить, наблюдая за девочками. Ей нужно несколько минут на раздумья, но в итоге она все равно задаст свой вопрос. Клэри изучила свою мать достаточно хорошо: та, как всегда, попытается говорить подчеркнуто беззаботно, и у нее, как всегда, ничего не получится.

Наконец вопрос звучит, но нацелен он на Энни, и та замирает с вилкой на полпути ко рту:

– Есть какие-нибудь новости о Корделле Льюисе?

– Нет, – отвечает Энни, опустив глаза в тарелку. Клэри бросает взгляд на Фэй, но та на нее не смотрит. Она слишком занята Энни.

– Тебя ведь не донимает его адвокат?

Клэри видит, как Энни едва заметно вздрагивает, и знает, что эта деталь не укрылась и от Фэй. Все, что скажет Энни дальше, будет ложью.

– Нет, – повторяет она.

– Что ж, рада слышать. Ты ведь помнишь, что говорил прокурор. Нужно держать рот на замке, и пусть все идет своим чередом.

– Верно, – не спорит Энни. – Я знаю. – Она бросает на Клэри умоляющий взгляд. *«Пожалуйста, пусть она сменит тему!»* – просят ее глаза. Клэри знает: каждую секунду ее молчания Энни расценивает как предательство. Но знает она и другое: если ее мать начала говорить, ее уже не остановишь. А еще – что вопросы у Фэй совсем не случайные. Либо она точно знает, что Энни побывала у адвоката, либо имеет веские основания так полагать.

– Но вообще-то, я и правда плохо себя чувствую из-за этой истории, – неожиданно добавляет Энни, удивляя Клэри. – Мне кажется, я должна высказаться. – Видно, что она хочет сказать больше, но заставляет себя замолчать. Клэри подозревает, что кухня опасается потерять контроль над разговором.

О том, что Энни грызет чувство вины из-за Корделла Льюиса, знают все. И Клэри прекрасно ее понимает. Она представляет, как Энни должна чувствовать себя, зная, что показания, которые она дала в трехлетнем возрасте, стали роковыми для Льюиса. Город даже не удосужился поискать другого подозреваемого. Без показаний Энни они могли бы повернуть в совсем ином направлении, присмотреться к кому-то еще. Но в маленьких городках свои понятия о правосудии, и не важно, виновен ли Корделл Льюис. Людям нужен козел отпущения. Кто-то обязан заплатить за убийство молодой и красивой матери-одиночки.

– Если его освободят, ты сможешь анонимно послать ему подарочный купон какого-нибудь ресторана, – вклинивается в разговор Клэри, пытаясь быть полезной.

Энни кривится.

– Ну а что? – парирует Клэри. – По-моему, неплохая идея.

Фэй взглядом пригвождает Клэри к стулу:

– Никто в нашей семье ничего не будет дарить семье этого человека. – Фэй переводит взгляд на застывшую Энни. – Ты ничего им не должна. Если он и не делал того, за что его посадили, это ошибка судебной системы. Не твоя.

Клэри не уверена, что это стопроцентная правда. Она считает, что ее матери стоит признать свою роль в деле Льюиса. Фэй выступала одним из самых ярких его обличителей и настаивала на том, чтобы его отдали под суд. Хотя Клэри было тогда всего четыре года и она мало что помнила, позже они с Энни перечитали целую кипу старых газет. Когда они были подростками, Клэри активно помогала Энни искать любую информацию о человеке, осужденном за убийство ее матери. Льюис всегда утверждал, что невиновен, и вот теперь весь городок говорит о том, что у него неплохие шансы выйти на свободу.

– Момент для всего этого они, конечно, выбрали неподходящий, – говорит Клэри, стараясь выразить участие.

Энни бросает на нее озадаченный взгляд.

– Я имею в виду свадьбу и все такое, – объясняет Клэри.

– А, да... – Энни пожимает плечами с таким видом, как будто этот факт не имеет для нее значения, хотя, конечно, это не так. Кто хочет думать о подобных вещах накануне собственной свадьбы?

– Ладно, хватит об этом, – объявляет Фэй и встает, всем своим видом выражая, что разговор окончен. – У меня для тебя кое-что есть.

– Что же? – спрашивает Энни.

– Сюрприз, – улыбается она. – Жди здесь.

Пока Фэй отходит за подарком, Клэри и Энни в унисон испускают стон облегчения, и напряжение идет на спад. Фэй возвращается, все еще с улыбкой на губах, садится и кладет что-то перед Энни. Под ее пальцами Клэри видит нечто, напоминающее тряпочку, и гадает, что же затеяла ее мать.

– Давно хотела передать тебе это, – говорит Фэй, и ее улыбка становится смущенной. Она убирает руки, и Энни, осторожно приподняв кусок ткани, осматривает его со всех сторон.

– Что-то старое, что-то новое, что-то взятое взаймы... и что-то голубое... – говорит Фэй, хотя это вовсе не объяснение. Несколько дней назад Клэри застала Фэй в мансарде – та лихорадочно что-то искала, бормоча себе под нос. Но разве это старье стоило таких усилий?

– Это принадлежало бабушке? – спрашивает Энни. Она всегда завидовала кузине из-за серебряной заколки бабушки – матери Фэй. Так как Клэри была старше, именно она получила заколку на свое шестнадцатилетие. Ей украшение не особенно нравилось – такие вещи не в ее стиле, – но, увидев, с каким обожанием смотрит на него Энни, она тут же притворилась, что без ума от обновки. Иногда Энни «одалживала» заколку, не спросив у кузины, тогда они ссорились, и Фэй грозилась забрать чертову заколку назад и положить конец всему. И так постоянно.

– Это принадлежало твоей матери, – говорит Фэй с благоговением.

Теперь Клэри понимает. После своей безвременной кончины ее тетя – убитая мать Энни – Лидия превратилась в голове Фэй в кого-то вроде божества.

– Милая вещица, – говорит Энни, хотя все знают, что она лжет.

Клэри кивает, но тут же добавляет:

– А что это вообще такое?

Они с Энни смеются. Фэй строго смотрит на них и берется за объяснения:

– Этот аксессуар принадлежит нашей семье уже несколько поколений. Невесты всегда брали его к алтарю. Это носовой платок.

Она делает Энни знак вернуть платок и берет его так, чтобы обе девочки могли видеть, что кружевная окантовка растянулась и отошла от ткани.

– Уверена, мисс Минни может это исправить, – заявляет Клэри.

– Уверена, мисс Минни слепа, как летучая мышь, – парирует Энни, желая, чтобы вышло смешно, но получается грубо, и Клэри чувствует необходимость встать на защиту мисс Минни.

Она вступается за старушку:

– Да, но она до сих пор прекрасно плетет кружева. Она занималась этим так долго, что отлично справляется и на ощупь. – Клэри вспоминает, что Энни предложила помочь с мисс Минни, пока она будет искать Мику. – Ты можешь отдать его ей завтра.

Энни непонимающе смотрит на нее несколько секунд, а потом вспоминает свое обещание:

– Да, конечно. Конечно, могу. Как удачно!

Энни изо всех сил изображает радостное волнение, и Клэри понимает, что кухне, как и ей самой, не терпится скорее покончить с этим вынужденным семейным единением. Энни берет у Фэй платок, расстилает его на столе и аккуратно ощупывает, словно касается чего-то и правда ценного.

– Что-то голубое... – с трепетом и грустью произносит она.

Все они умолкают на минуту, думая – Клэри точно это знает – о тете Лидии. В их маленькой семье случаются моменты, когда они ощущают ее присутствие так явственно, словно она сидит с ними за одним столом. Так было всегда, и Клэри раздумывает, изменится ли все после свадьбы. Когда Энни покинет их, последует ли Лидия за ней? Клэри не знает, по кому она будет скучать больше.

Энни

Когда Клэри отправляется на поиски Мики, а Фэй – в салон, Энни заканчивает письмо Тайсону Барнсу. Стараясь не обращать внимания на громкий стук своего сердца, она нажимает кнопку мыши и отправляет послание в киберпространство. Теперь пути назад нет.

Она вспоминает вчерашний день – день, когда навестила маму, чтобы рассказать той о своем решении. Она поведала ей о разговоре с адвокатом и о том, что – с ее помощью или без оной – Корделл Льюис все равно выйдет на свободу. Она призналась, что Тайсон Барнс хочет, чтобы она написала письмо, в котором отказывается от своих показаний, данных много лет назад. Адвокат пообещал зачитать его на финальных слушаниях по делу Льюиса через несколько дней, пусть даже это формальность и никак не повлияет на ход процесса.

Она объяснила, что все, что ее сдерживает, – это опасения Фэй и собственная гордость. Публично отказаться от показаний – значит открыто признаться в том, что она разрушила жизнь невинного человека. Энни не хочет, чтобы люди думали о ней так, и предложение Барнса поможет ей этого избежать. Она просто напишет короткое письмо и вернет Льюису право распоряжаться собственной жизнью – по крайней мере, тем, что от нее осталось.

Она зачитала текст письма вслух, надеясь, что здесь, где все и произошло, к ней придут правильные слова. «Так ведь, мам?» – заручилась она поддержкой у пустоты.

Уважаемый мистер Барнс!

Я пишу это письмо, зная, что оно будет зачитано, когда меня не будет рядом. Хотя я и не смогу озвучить свои замечания на слушаниях, которые должны обеспечить свободу Корделлу Льюису, я хотела бы оказать этому процессу свое содействие. Как человек, чьи показания сыграли ключевую роль в вынесении приговора, я хотела бы заявить, что теперь, спустя много лет, мои свидетельства не кажутся мне убедительными и надежными. Когда мою мать убили, мне было всего три года. К тому же я спала, когда все случилось. В свою очередь, мистер Льюис вполне убедительно объяснил, почему я решила, что именно он нанес вред моей матери.

Теперь, когда я уже достаточно взрослая, чтобы говорить от себя, я считаю своим долгом высказаться в поддержку мистера Льюиса и за его освобождение и оправдание по делу об убийстве, которого он не совершал. Я искренне сожалею, что содействовала этой судебной ошибке, и хочу сделать все, что в моих силах, чтобы ее исправить.

Я понимаю, что на месте преступления была обнаружена ДНК другого человека, но что полиция никогда не использовала этот факт как доказательство невиновности мистера Льюиса. В интересах моей матери я призываю суд проанализировать эту ДНК как можно скорее и выяснить, мог ли кто-то другой убить ее в ту ужасную ночь двадцать три года назад. Город Ладлоу имеет полное право знать, есть ли среди его граждан убийца. А я имею право знать, кто в действительности отнял жизнь моей матери.

*С уважением,
Энн Элизабет Тафт*

– Ну, как тебе? – обратилась она к облакам, кронам деревьев, ко всему, что открылось ее взгляду, когда она подняла глаза к небу. Но ответа не последовало – как и всегда. Тайсон Барнс хотел ответов, а может, просто создать себе имя. Он прошупывал почву в поисках перспективного дела и наконец нашел то, что искал, – Льюиса, сестра которого не переставая строчила адвокату слезные письма с просьбами о помощи. Он понимал, что такую историю медиа уж точно не упустят и тем самым привлекут внимание к нему и его карьере. Но, взявшись за дело, он невольно привлек внимание и к Энни – причем в самое неподходящее время. Ей требовалось так мало для счастья: выйти замуж, заняться своим будущим, перестать быть «той бедняжкой, мать которой убили». Она потратила всю свою жизнь, пытаясь доказать людям, что она – полноценная личность. Но и теперь они видели в ней лишь жертву.

Энни топнула ногой, как делала еще трехлетним ребенком, и сжала кулаки.

– Только бы я могла вспомнить! – воскликнула она. – Только бы я могла вспомнить и все исправить! Кто был прав: я, обвиняя во всем дядю Корда, или он, утверждая, что я запуталась? Кто еще заходил в палатку в тот вечер? Как бы я хотела, чтобы ты могла мне ответить! Чтобы сказала, что я поступила правильно, написав это письмо. А если нет – чтобы простила меня.

Случайный прохожий подумал бы, что Энни разговаривает сама с собой. Но ей на это наплевать. Им недоступны истинные причины ее визитов на место гибели мамы. Им не понять, что именно здесь они в последний раз были вместе. Сладость и горечь ходят рука об руку, и вот Энни снова оказывается тут, все чаще и чаще в последние дни. Люди злятся на нее за вчерашнее исчезновение, но как объяснить им, насколько велика ее потребность ощущать связь с матерью – путь даже таким странным способом? Они считают, что знают, как тяжело ей пришлось, но это не так. Они понятия не имеют, каково это – раз за разом приходиться на место смерти своей мамы, называя это «побыть рядом».

Она смотрит на часы. Время идти за мисс Минни. В верхней части экрана ее ноутбука – уведомление:

Сообщение отправлено.

Кнопки отмены нет, как нет и пути назад. Энни сделала то, что обещала. И надеется, что поступила правильно.

* * *

Кондиционер в машине включен на полную, и они с мисс Минни готовы ехать. Старушка пристегнута рядом на пассажирском сиденье, а ее руки судорожно сжимают старый платок – тот самый, что когда-то принадлежал матери Энни. Мисс Минни тербит кружевную окантовку с того момента, как вещица попала к ней, но Энни не останавливает ее, опасаясь вывести пожилую женщину из душевного равновесия. Если платок успокаивает ее, то пусть хоть разорвет его на мелкие кусочки. К тому же старая тряпка не значит для Энни ровным счетом ничего, и она отнесла ее Минни, только чтобы успокоить Фэй. Забавно, сколько сантиментов

в людях пробуждает свадьба. Впрочем, они не обошли стороной и саму Энни. Лицо Кенни на мгновение всплывает перед ее мысленным взором, но она моргает, прогоняя его. Сейчас у нее нет на это времени.

Краем глаза Энни рассматривает свою пассажирку, наблюдает за неуклюжими движениями артритных пальцев. Сомнительно, что бабуля действительно способна плести кружево такими руками. Но Клэри уверена в обратном, а значит, это должно быть правдой. Лицо мисс Минни обращено к окну, и она смотрит в него, насупившись, как сердитый ребенок. Очевидно, что она просто терпит присутствие Энни, но такая замена ей не по вкусу.

– Ну что, мисс Минни, – говорит Энни самым жизнерадостным голосом, на который только способна. – Куда отправимся на прогулку?

Мисс Минни поворачивается и смотрит на Энни своими мутными глазами. Клэри говорит, что Минни нужна операция по излечению катаракты, но в ее возрасте последствия такой операции опаснее слепоты. Энни интересно, что старушка сможет разглядеть во время их поездки. В машине стоит тишина, пока Минни пристально изучает своего водителя.

– Как, ты сказала, тебя зовут, дорогая? – скрежещет мисс Минни.

Энни удивляется. До сего момента Минни была нема как рыба.

– Энни. Энни Тафт.

Минни ничего не отвечает, лишь настороженно смотрит на нее, словно не веря услышанному.

– Я кузина Клэри, – объясняет Энни.

Минни остается безучастна.

Энни делает еще одну попытку:

– Помните Фэй? Она ухаживает за вашей прической. – Говоря это, Энни неосознанно ощупывает собственные волосы. Она отрастила их к свадьбе, но подстрижется, как только та останется позади. По мнению Энни, длинные волосы летом – плохая идея. Все равно что теплый шарф в жару. Она уже предупредила Скотта, обожающего ее длинные локоны, что планирует подстричься, но тот все еще надеется.

– Ну зачем тебе это, милая? – всегда спрашивает он с искренним удивлением. – Они такие красивые.

– Легко тебе говорить, – всегда парирует она, намекая на его короткую стрижку.

– Мною занимается Глиннис, – упрямится Минни, прикасаясь к своим тонким белым волосам. У нее типичная для старушки прическа: вымытая, уложенная и окаменевшая от лака конструкция, которую можно носить целую неделю. Энни не понимает, как это работает, – а ведь было бы так удобно делать укладку всего раз в неделю. Энни тратит ужасно много времени на волосы. Вероятно, потому, что росла в семье парикмахера.

Энни знает, что прической Минни занимается вовсе не Глиннис, но не спорит. Она просто включает задний ход и аккуратно выезжает на дорогу. На этот счет Клэри дала ей четкие инструкции: «Ты, конечно, спросишь Минни, куда бы она хотела поехать, но, вне зависимости от ее ответа, ты повезешь ее тем же маршрутом, что и всегда». Энни знает маршрут наизусть – Клэри попросила ее пересказать его ей примерно четыреста пятьдесят два раза этим утром: едешь по Пеппертаун-роуд, пока не упрешься в Милл-Понд-Драйв, затем, не сворачивая, двигаешься по Милл-Понд (мимо входа в национальный парк Иден-Хилл – правда, не того, каким Энни обычно пользуется), пока не доберешься до Пожарного переулка. Переулок, по словам Клэри, был когда-то настоящей дорогой, проходящей за пожарной станцией, пока город не принял решение переместить станцию в другое место. Теперь переулок огибает пару церквей и спортивных площадок, и вот ты уже снова в Пеппертауне.

– Ты просто огибаешь пригород по длинной окружности, – объяснила ей Клэри. – Ничего сложного.

– Конечно, – заверила ее Энни. Но теперь, когда мисс Минни в ожидании сидит рядом, ее обуревают сомнения. Ее беспокоит не поездка как таковая – Энни живет в городе всю свою жизнь и знает дороги как свои пять пальцев, – а непредсказуемая, выжившая из ума старушка рядом с ней. Интересно, чувствовала ли Клэри что-то подобное? А может, чувствует до сих пор? Она пытается вообразить худшие варианты развития событий: Минни впадает в безумие и беснуется в автомобиле, пока они не попадают в аварию. Минни при смерти. Минни выбрасывается из машины на полном ходу.

Энни тянется к кнопке слева от себя и нажимает ее, чтобы убедиться, что все двери надежно заблокированы. Она вспоминает слова Клэри: «В какой-то момент Минни начнет рассказывать тебе историю – всегда одну и ту же. Я слышала ее столько раз, что могла бы уже рассказать вместо нее. Зато болтовня помогает скоротать время и, кажется, успокаивает мисс Минни. Так что дай ей закончить. Если она вдруг замолчит, а так иногда бывает, я просто задаю ей какой-нибудь наводящий вопрос. Это возвращает ее к реальности, помогает вспомнить, что ее слушают. Ей нравится, когда ты интересуешься ее делами».

Энни решает рискнуть.

– Клэри сказала, вы любите поговорить, – обращается она к затылку мисс Минни. Старушка так пристально глазеет в окно, будто не видела местные пейзажи уже тысячи раз, и ее везут в новое, удивительное место. Вот бы они оказались в Англии или в африканской саванне, а не в старом скучном Ладлоу. Энни так хотелось бы увидеть Ладлоу новыми глазами. Интересно, будет ли она чувствовать себя так же, когда заедет погостить? Станет ли Ладлоу чем-то новым и неизведанным? Будет ли она когда-нибудь скучать по городку?

Какое-то время Энни слушает шуршание шин по асфальту и мерный шум двигателя, убаюканная их монотонностью. Клэри не готовила ее к сценарию, в котором Минни молчит. Она была уверена, что та разговорится. Энни задевает, что Минни устраивает ей пытку тишиной, предпочитая изливать душу Клэри. Знакомый дух соперничества нарастает в ней. Она не позволит кухне выйти победительницей.

Энни пытается подстегнуть Минни:

– Клэри говорит, что этот маршрут напоминает вам об особенном дне вашей жизни...

Энни видит, как напрягаются плечи Минни, но та по-прежнему не произносит ни слова.

– Может, послушаем музыку? – с энтузиазмом предлагает Энни. Она включает приемник, и из колонок вырывается оглушительный рэп. Минни начинает трясти головой куда быстрее, чем Энни могла бы себе вообразить. Ее лицо искривляется в ужасе и панике.

– Простите. Простите меня, – говорит Энни и быстро переключает приемник на новостной канал, который заставляет себя слушать каждое утро, чтобы быть в курсе мировых новостей. Скотту нравится, когда она *информирована* – так он это называет, хотя Энни подозревает, что, зная она меньше о том, что творится в мире, спалось бы ей куда лучше. И тем не менее осведомленность о новостях помогает ей поддерживать беседу. Это доставляет Скотту удовольствие, а она хочет доставлять ему удовольствие, что бы кто ни думал. Ей снова вспоминается лицо Кенни, но Энни тут же отгоняет видение.

Ведущий что-то бубнит, и какое-то время водитель и пассажирка позволяют ему это делать. Энни подозревает, что, возможно, так все и закончится. Да, это будет не привычная для мисс Минни прогулка, но не самая плохая. Конечно, Энни придется сказать Клэри, что не все пошло как планировалось, а потом выслушать ее ворчание из-за нарушенного графика Минни. Но это уже не ее дело. В конце концов, она просто хочет покончить с этой скучной обязателькой. Энни не понимает, зачем вообще взялась за это. Всему есть предел, благими намерениями вымощена дорога в ад и все такое прочее. Лучше бы Клэри найти эту чертову птицу.

– А теперь к местным новостям, – говорит радиоведущий. – Главное событие дня – предполагаемое освобождение Корделла Льюиса, который будет ожидать нового суда уже свободным человеком, спасибо усилиям адвоката Тайсона Барнса. Льюис провел в тюрьме два-

дцать три года за убийство Лидии Тафт, жительницы Ладлоу, которая была найдена мертвой после того, как ее дочь обнаружили блуждающей по национальному парку Иден-Хилл. Имя ее дочери... – Энни быстро выключает приемник, и в этот момент они как раз проезжают вход в парк.

Когда радио замолкает, Энни замечает, что Минни оторвалась от окна и повернулась в ее сторону. Продолжая смотреть на дорогу, Энни гадает, чем она могла привлечь внимание старой женщины. Тем, что внезапно выключила радио? Или тем, что провезла их мимо того места, о котором говорили в передаче? А может, тем, что как раз собирались назвать ее имя? Энни надеется, что не последний вариант. У Минни деменция. Вряд ли ей под силу сложить два и два. Наверное, она просто наслаждалась монотонным бормотанием ведущего и не хотела, чтобы его прерывали.

Энни бросает взгляд на Минни, которая, тоже глядя вперед, снова принимается тереть платок. Впервые с момента, как они сели в машину, их взгляды устремлены в одном направлении. Энни ждет, пока ее дыхание придет в норму. Радио вывело ее из равновесия. Если там продолжают говорить о Корделле Льюисе, она просто перестанет слушать новости, чего бы там ни подумал Скотт. У нее нет никакого желания знать, что люди болтают о ней. Она лишь хочет выйти замуж и уехать из города, оставив все позади.

Еще миля проходит в тишине, после чего Энни делает глубокий вдох и в последний раз пытается спасти поездку и не подвести Клэри. Она снова обращается к Минни:

– Клэри говорила, вы любите поболтать о бейсболе. И о своем муже. – Она бросает взгляд на Минни, чтобы убедиться, что та ее слышит.

Минни поворачивается и смотрит на Энни, ее голова болтается на тонкой шее, как у куклы чревовещателя.

– Мой муж – это мое дело, милая, – вдруг выплевывает она, и ее мутные глаза загораются злобой. – Держись от него подальше, поняла?

У Энни перехватывает дыхание, когда она понимает, что мисс Минни смотрит на нее без малейшего намека на узнавание. Пожилая женщина тяжело откидывается на пассажирскую дверь. Ее губы двигаются так, будто она говорит, но изо рта не вылетает ни звука. Энни может лишь гадать, что та пытается сказать.

Это просто старуха, успокаивает она себя. Не будь дурой. Глупо бояться Минни. Возьми ситуацию в свои руки, пока бабулька окончательно не вышла из себя.

Пытаясь успокоить свою пассажирку, Энни говорит:

– Все хорошо, Минни. Это Энни, Энни Тафт. Кузина Клэри, помните? – Она с досадой осознает, что, произнося это, тычет в себя пальцем, и опускает руку.

– Вы ведь знаете, кто я? – спрашивает она, надеясь, что помутнение Минни пройдет и она сможет без происшествий доставить ее домой, уложить на диван, включить исторический канал и поставить ей на колени поднос с кашкой, которую та употребляет на обед, – все точно по инструкции Клэри. Энни, конечно, расскажет обо всем случившемся кузине, и если это нормальное для мисс Минни поведение, значит, Клэри заслуживает каждого цента, который платит ей Глиннис.

Минни сощуривается на Энни и прижимает платок к груди, как делают дети, когда у них пытаются забрать игрушку.

– О, я отлично знаю, кто ты, – отвечает она.

Ее взгляд устремлен сквозь Энни, и та никак не может понять, как Минни может что-то знать, если не видит ее.

Кенни

Она звонит, потому что знает, что его девушки нет в городе. Она делает так всегда с той самой волшебной ночи еще в школе, когда Клэри и Фэй уехали в Вирджинию на похороны кого-то из родственников и оставили Энни одну в пустом доме. Тогда она тоже позвонила ему, так как боялась темноты и одиночества, и, наврав что-то матери, он отправился к ней. В ту ночь их отношения радикально изменились – по крайней мере, для него. Он не уверен, почувствовала ли Энни то же, что и он, и ему никогда не хватает храбрости спросить. Так или иначе, но с тех пор он у нее на крючке и она может делать с ним все, что заблагорассудится.

Он медлит, размышляя, стоит ли вообще отвечать на звонок или, может, дать ей хорошенько прочувствовать, что ее ждет, когда она выйдет замуж за другого парня и их разговоры прекратятся навсегда. Но потом ему становится жалко тех считанных недель, что у них еще остались, и он берет трубку за мгновение до того, как звонок переключится на голосовую почту.

– Я могу приехать? – спрашивает она запыхавшимся голосом.

Он закатывает глаза к потолку, ища там ответ на вопрос, который мучает его еще со школы: что делать с Энни?

– Ты здесь? – беспокоится она.

Кенни подавляет вздох.

– Да. – Он смотрит в экран телефона. – Поздновато для гостей.

Впрочем, это всего лишь отговорка, и они оба это знают.

– Ну, пожа-а-а-алуйста. – Энни и не думает сдерживать капризные интонации.

Кенни очень хочется спросить: *«Ну и где же твой жених? Почему бы тебе не отправиться к нему?»* Но он знает, что если она звонит ему, значит, Скотт, вероятно, уехал. Ее жених часто бывает в отъезде, что, собственно, и дает им возможность видеться. Разъезды его девушки плюс разъезды ее парня – именно то, что позволяет их тайным отношениям длиться намного дольше, чем следовало бы. Но они приняли решение: как только она выйдет замуж, все будет кончено. Мысль об этом причиняет Кенни куда больше боли, чем должна бы, с учетом того, сколько времени он потратил, чтобы свыкнуться с самой идеей. Энни помолвлена уже год. Он вспоминает тот вечер, когда она пришла к нему с кольцом на пальце, старательно приносясь, что ничего не изменилось, хотя оба знали, что изменилось все. *«Надеюсь, ты собиралась мне что-то сказать? Или я должен был догадаться сам?»* – спросил он ее. Энни прикрыла кольцо рукой и приняла виноватый вид. *«Я не была уверена, как лучше»*, – ответила она тогда.

– Ну хорошо, приезжай, – говорит Кенни в трубку и тяжело вздыхает, словно происходящее его удручает.

– Спасибо, – отвечает она, и в ее голосе он слышит неприкрытое облегчение. Иногда, вместо того чтобы позаботиться о себе, он волнуется за нее. Он волнуется, как она будет жить без его поддержки. Конечно, расставание ударит в первую очередь по нему – тут он не сомневается, – но и ей придется несладко. Энни тоже будет скучать, пусть пока и не понимает этого.

Через восемь минут она стучит, и он открывает дверь в свою квартирку, одну из четырех в маленьком здании в самом сердце города. Он предлагал Энни переехать в одну из соседних квартир, когда та некоторое время назад пустовала, но она отказалась. Он не понимал почему, пока не узнал о помолвке. Какой смысл съезжать куда-то от Фэй, если впереди совместная жизнь со Скоттом. Впрочем, истинная причина такого решения, как он подозревал, крылась в другом. Энни просто не хотела жить одна.

Энни осматривается по сторонам (никогда не знаешь, чьи глаза могут наблюдать за тобой в этом маленьком городке) и проскальзывает внутрь.

– Как ты быстро, – замечает он.

– Я гоню на полную, когда расстроена, – отвечает она. – Обними меня.

Она обвивает его руками, и он застывает. Он планировал держать ее на расстоянии, но Энни всегда найдет способ нарушить его границы.

– Что случилось? – спрашивает он и делает шаг назад, отстраняясь от нее.

Энни начинает рассказывать историю о старой леди, за которой присматривает Клэри: как она сама взяла ее на прогулку, чтобы помочь кухне, и как старуха смотрела на нее, и как это ее напугало. Но на самом деле Энни, конечно, расстроена не из-за этого. Он знает, что это просто преамбула перед настоящим разговором по душам. Начало истории – лишь стартовая точка, та часть, рассказывая которую она чувствует себя наиболее защищенной. А уже после она переходит к тому, что беспокоит ее на самом деле. Нужно просто немного подождать.

– И кое-что еще... – говорит она, и он весь обращается в слух. Эта фраза – индикатор того, что сейчас пойдет речь о реальной причине прихода Энни. – *Я сделала что-то, чего, наверное, мне не стоило делать.*

Он медленно кивает, думая о том, что стал бы миллионером, если бы получал по двадцать долларов каждый раз, когда он слышал это от нее.

– Что ты сделала? – спрашивает он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более равнодушно, даже скучающе.

Они играют в эти игры каждый раз. Она притворяется, что у нее, кроме него, никого нет, а он – что ему плевать.

– Я отправила письмо адвокату Корделла Льюиса. Письмо в поддержку его освобождения.

Ее слова напоминают, что Энни все еще способна его удивлять. И это наполняет его глупой надеждой.

– Но ведь все отговаривали тебя делать это.

Она складывает руки на груди и смотрит на него.

– Все, кроме тебя, – напоминает она.

– Но меня ты и не спрашивала.

– С каких пор мне надо спрашивать? – парирует она, и они оба смеются.

Они все еще топчутся в коридоре, и Кенни жестом предлагает им сесть на диван. Он думает, что бы сказала его девушка, узнав, что они сидят здесь наедине. К счастью, та пребывает в счастливом неведении – Энни взяла с Кенни слово, что он ничего не расскажет ей о них. «Это не ее дело», – надулась она, а он был счастлив услышать ревность в ее словах и потому согласился. Тот факт, что он все еще умудряется скрывать Энни от своей девушки, бесконечно изумляет его. Но он уже кое-чему научился: нельзя сохранить тайну, не работая над этим постоянно, каждый день. К тому же это не так трудно, как все говорят. Конечно, иногда просыпается чувство вины, но от него легко избавиться, если просто отвлечься.

– И что ты испытываешь теперь, когда уже отправила его? – спрашивает он, хотя и не уверен, что хочет это знать.

Действия адвоката, решившего бороться за освобождение убийцы матери Энни, вызывают у него смешанные чувства. Он вспоминает бесчисленные разговоры, в которых Энни изливала ему душу насчет этого человека, его наказания, ее роли в этом. «Тебе было всего три года. Если кто и несет ответственность за несправедливое обвинение, то это взрослые», – повторял он ей столько раз, что уже сбился со счета. «Если оно и правда несправедливое», – всегда добавляет он. Потому что он не уверен в невиновности Льюиса. Да, никаких других подозреваемых в деле не было. Но с другой стороны, горожане не стали долго думать, на кого поднять вилы, и пошли туда, куда им указывала Энни. Никто даже не удосужился рассмотреть другие варианты. Никто не искал других подозреваемых.

Энни задумывается на мгновение, затем сглатывает и начинает объяснять:

– В палатке была другая ДНК. Мужская ДНК. Когда Тайсон начал изучать это дело, он покопался и обнаружил, что записи о ДНК имелись в полицейских бланках, но никогда

не принимались в качестве доказательства и не передавались адвокату. Он доказал, что они намеренно скрыли эту улику, и теперь подает апелляцию, ссылаясь на так называемое правило Брейди³. – Она смотрит на Кенни. – Другими словами, даже без моей поддержки его выпустили бы на свободу.

Кенни испытывает необъяснимую ревность по поводу того, с какой легкостью Энни называет адвоката по имени – словно теперь они лучшие друзья. Его воображение рисует парня, похожего на банкира, в нелепом костюме из индийского льна, который Энни, вероятно, находит очаровательным. Энни сидит вплотную к нему, пока он травит ей байки из своей юридической практики, а потом их руки случайно встречаются и задерживаются на секунду дольше, чем позволяют приличия. Теперь ему кажется, что именно он, этот Тайсон Барнс, оккупировавший газеты с тех пор, как взялся за свой сомнительный крестовый поход, и сорвет свадьбу Энни. Тогда как у него, Кенни, кишка тонка.

– Так. – Он прочищает горло и пытается собраться с мыслями. – Ну ведь это хорошая новость, верно?

– Я просто хочу, чтобы моя совесть была чиста, – отвечает она.

Энни подбирает под себя ноги, и он как прикованный следит за движениями ее икр, но делает над собой усилие и отводит взгляд. Друзья. Просто друзья. Даже лучшие друзья. Тайные лучшие друзья, как любит она повторять. Ему принадлежит целая ее сторона – сторона, которой нет ни у кого, которую она открывает только ему. В каком-то смысле он дает ей больше, чем может дать ее собственный муж. У них есть нечто, что доступно только им двоим, и ему нужно научиться довольствоваться этим. Но чем ближе свадьба, тем больше Энни отдаляется от него, а скоро он потеряет ее навсегда. И Кенни не уверен, что сможет справиться с потерей.

Он поднимает брови. «Ну, если так ты чувствуешь себя лучше...» – говорит он, позволяя своим словам зависнуть в воздухе. Энни страдает от чувства вины столько, сколько он ее знает, и он хочет, чтобы она освободилась от этого. Он хочет, чтобы она освободилась от множества вещей. Например, от Скотта и его кольца.

Она вздыхает и откидывается на диванные подушки, серьезно глядя на него своими до боли знакомыми голубыми глазами.

– Но что, если я ошибаюсь? Что, если время перепутало все карты и я была права, когда мне было три? Что, если я помогаю освободить человека, который убил мою маму?

Он разглядывает свои руки, лежащие на коленях.

– Ты правда так думаешь? – спрашивает он ее.

– Я не знаю, что мне думать! – кричит она и пугает его.

Он поднимает на нее взгляд, и тут она резко прижимается к нему, вдавливая в подлокотник дивана.

– Я все равно уже сделала это, – говорит она, зарывшись лицом ему в грудь. – Письмо уже у них.

Он ощущает ее близость, чувствует, как она дышит – каждый вдох и выдох, – пока ждет его ответа. Он знает, что она жаждет, чтобы он ее успокоил, но не спешит отвечать, раздумывая. Он не собирается читать ей лекции, как делает это Фэй, или подшучивать, как Клэри. И он не будет брать на себя ответственность, как Скотт. Но что тогда ему остается?

– Пожалуйста, скажи, что я поступила правильно, – просит она, все еще пряча лицо у него на груди, и как бы он хотел, чтобы этот момент продолжался вечно.

Он обвивает ее руками и целует в затылок, слезы наполняют его глаза. Он рад, что она не видит его таким.

³ Правило Брейди обязывает обвинение раскрывать все материалы, которые могут быть истолкованы в пользу ответчика по уголовному делу – даже если они не были запрошены. Правило было введено в судебную практику Верховным судом США в 1963 году.

– Не могу, – грустно отвечает он. – Никто не может.

– Я знаю, – говорит она тихо. – Но ведь я могу побыть здесь немного?

И он отвечает «да», как делает каждый раз. Она может оставаться здесь столько, сколько захочет.

28 мая. Четыре дня до свадьбы

Лорел

Она стоит недалеко от тюремных ворот, ожидая, когда покажется Корделл Льюис. Людей не так много, как она ожидала, – с учетом того, какой фурор новость об освобождении убийцы произвела в городе. Полчища журналистов, толпы родственников и друзей с плакатами «Добро пожаловать на свободу!», а может, даже протестующие с собственными лозунгами – вот кого Лорел рассчитывала здесь найти. Но что она получила? Заседание клуба зануд.

Она видит журналиста из Гринвилла и еще одного из Спартанберга. Эти двое образовали неуклюжий союз, хотя наверняка вгрызлись бы друг другу в глотку при первой возможности поговорить с Льюисом по душам. Стоят и ведут самый нелюбезный обмен любезностями – плоскими односложными ответами, убивая время и пытаясь хоть как-то отвлечься от жары. Ожидание затягивается, и Лорел представляет, как, покончив с работой, отправится в бассейн, где, возможно, даже закажет себе «Том Коллинз» или маргариту из бара. Она потратила львиную долю своей взрослой жизни, притворяясь, что ее семья стеснена в средствах и ей все время приходится отказывать себе в том, что легко получают другие девочки с юга. Сегодня она возьмет свое – пусть даже и на несколько часов.

Если, конечно, ей удастся взять быка за рога, как говорит бабушка Минни. Это ее любимое выражение. «Ну-ка, Глиннис, не пора ли нам взять быка за рога», – говорила Минни Портер, или, как все называют ее, мисс Минни, – и это означало, что пришло время действовать.

Думая о бабушке, Лорел ощущает легкий укол вины. Она навестила ее всего один раз с тех пор, как приехала. Она твердила сама себе, что все дело в работе, но правда была в другом. Она просто не хотела видеть бабушку такой, какой она стала. Были времена, когда Минни Портер правила этим городом и лишь одним своим словом могла решить судьбу любого из его жителей. Теперь же она унылая слабоумная старуха, которая целыми днями пялится в телевизор, пока не засыпает прямо перед экраном, широко раскрыв рот и пуская слюни. Каждый день Клэри Уилкинс – чокнутая – катает ее бабушку одним и тем же маршрутом, а потом кормит ужином. Наверное, Лорел следовало бы чувствовать себя виноватой из-за того, что Клэри за деньги выполняет вещи, которые ее семья должна делать бесплатно. Но, в конце концов, у всех у них своя жизнь, а Клэри не помешает подработка.

Лорел ловит себя на мыслях о Клэри, и ее передергивает. Странно думать о ней, когда убийца ее тети вот-вот должен показаться из тюремных ворот. Она ненадолго задумывается, что семья Лидии Тафт сказала бы обо всем происходящем. Ей позарез нужно поговорить с кем-то из них и выяснить это. Пусть Энни и не перезвонила ей с тех пор, как саботировала встречу в ресторане, Лорел все равно не отступит. От нее не так-то легко отделаться.

Лорел качает головой и носком туфли выбивает кусок гравия из асфальта, который раскалился настолько, что воздух вокруг колеблется от жара. Да, она определенно отправится в бассейн после того, как сдаст статью Деймону. Брр... Деймон. Даже в родном городе ей приходится когтями выщарапывать место под солнцем. Нужно скорее разделаться с этой книгой об Энни, ее матери и освобождении Корделла Льюиса и убраться отсюда снова. Желательно поскорее. И желательно навсегда.

К ней направляется какой-то мужчина, и Лорел узнает его. Она немного нервничает: Лорел уважает и боится адвокатов, потому что они обладают чем-то, чего нет у нее, – особой глубиной понимания правды и справедливости, прирожденным талантом, как склонность к спорту или блестящий ум. Лорел нравится писать новости, но она не хотела бы писать законы.

Ответственность пугает ее – чего только стоит причина, по которой они собрались здесь. Целая жизнь – в руках одного-единственного человека, и как она подаст новость об этом, совершенно не важно. А вот от работы Тайсона Барнса зависит все.

Того же, судя по всему, абсолютно не тяготит груз ответственности. Он улыбается и указывает на нее.

– Я вас знаю, – говорит он доброжелательно, и Лорел почти физически ощущает на своей спине руку матери – руку, подталкивающую ее к Барнсу. *Он был бы идеален*, произносит в ее голове голос Глиннис, но она заставляет мать замолчать и растягивает губы в улыбке.

– Неужели? – спрашивает она, чувствуя, что ее собеседник может клюнуть на флирт.

Ради хорошего комментария для книги она пойдет до конца.

– Вы новый репортер «Вестника», – отвечает Барнс. – Я знаю вашего отца.

Лорел закатывает глаза.

– Все знают моего отца.

Он поднимает брови и, напустив на себя комично серьезный вид, изрекает:

– Вы – представитель весьма выдающейся династии.

Против собственной воли она смеется.

– Сомнительная честь. «Выдающаяся династия» из Ладлоу. Звучит как оксюморон. –

Его взгляд сверлит закрытые ворота, которые в любую минуту могут распахнуться и отправить в новую жизнь Корделла Льюиса. Она внимательно разглядывает лицо адвоката, пытаясь обнаружить на нем признаки тревоги. Но тот выглядит спокойно, и Лорел задается вопросом, доступна ли Тайсону Барнсу простая человеческая неуверенность. – Впрочем, раз вы здесь, значит, я пришла в правильное место.

Он делает глубокий вдох, и она замечает на его лице слабый проблеск сомнения. Но он тут же исчезает.

Адвокат поворачивается к ней:

– Да. Большое событие. Мы потратили уйму времени.

– И вы правда ни разу не усомнились в его невиновности?

На этот раз – никаких признаков сомнений.

– Нет. Ни единойжды.

– И насчет его сегодняшнего освобождения вы тоже не сомневаетесь?

Тайсон скашивает на нее глаза:

– Это пойдет в печать или останется между нами?

Осмелев, Лорел отвечает:

– Пойдет в печать.

Она притворяется, что ищет ручку, чтобы делать пометки, но на самом деле это ей ни к чему. Она и так отлично запомнит их разговор.

Барнс задумчиво наклоняет голову, решая, в какую форму лучше облечь свои слова.

– Нет. Ни секунды. Сегодня вершится справедливость. Отложенное правосудие – тоже правосудие. И он заслуживает его. – Глаза Барнса снова устремляются к воротам, словно призывая Корделла Льюиса появиться, и адвокат добавляет: – Он – тоже жертва.

– Жертва чего? – Лорел слышит вызов в собственном голосе.

– Системы правосудия в маленьком городке, – быстро отвечает Тайсон. – Невежественная полиция, готовая повесить убийство на кого угодно, не утруждая себя тщательным выполнением своего долга. Да, возможно, Льюис был первым подозреваемым, но не должен был стать единственным. Они никогда не копали глубже, а следовало бы.

Его щеки наливаются румянцем, и Лорел понимает, что Барнс жаждет чего-то большего, чем слава и скандальность. Похоже, он действительно верит в то, что делает.

– Что ж, сегодня вы восстановите справедливость, – говорит она.

Он кивает, соглашаясь, и она снова замечает в его глазах едва заметный огонек сомнения.

– Надеюсь на это, – отвечает Барнс.

– А вот и он, – слышит она слова репортера из Гринвилла, обращенные к оператору, и они одновременно бросаются в одном направлении.

Эти слова мгновенно приводят Тайсона в движение. Он забывает о существовании Лорел и спешит вперед, чтобы перехватить своего клиента, пока до него не добралась толпа. Лорел замороженно наблюдает за происходящим с безопасного расстояния, едва не забыв достать фотоаппарат и заснять сцену, которая разворачивается перед ней.

Годы тюрьмы здорово изменили Корделла Льюиса, который, судя по изученным Лорел старым снимкам, был когда-то высоким и крупным мужчиной. Теперь он выглядит слабым и сморщенным, щурится в ярком солнечном свете, изучая лица собравшихся в надежде различить знакомые. Его взгляд скользит в ее направлении, и, прежде чем он отводит его – туда, откуда кто-то зовет его по имени, – их глаза на мгновение встречаются. Она чувствует, как мурашки бегут по спине. Неужели это глаза убийцы, зверя, вырвавшегося на свободу стараниями пронырливого адвоката-умника? Или же ей довелось взглянуть в лицо отчаявшегося, сломленного человека, пронесшего через всю свою жизнь груз чужой вины?

Энни

У нее нет привычки приходить сюда вечерами. Обычно она приходит днем. Ее не должно было быть здесь сегодня, но все-таки она тут, одинокая и испуганная. Крупные капли летнего дождя падают на землю, барабнят по голове, затекают в глаза. Все сложилось совсем не так, как должно было. Она представляла этот вечер совсем другим. *Последний раз*, думала Энни. *Последний невинный момент вместе. Впереди новая жизнь.*

Она оглядывается через плечо, чтобы убедиться, что никто не видит, как она стоит здесь, на полянке в национальном парке Иден-Хилл, в двух шагах от места, на котором, как рассказывал Хэл Йорк, ранним утром двадцать три года назад нашли холодное и окоченевшее тело ее матери.

– Мамочка уснула, – пожаловалась тогда трехлетняя Энни Хэлу. – Я очень хотела есть, но она так и не приготовила мне завтрак.

Хэл Йорк сказал, что нашел печенье, обертку которого маленькая Энни безуспешно терзала перед тем, как отправилась за помощью. Хэл признался, что именно оно ужаснуло его больше всего – растерзанное, но так и не открытое, смятое, раскрошившееся под неловкими ручками голодного ребенка. Это печенье сказало Хэлу все, что ему нужно было знать. Это печенье заставило его отправиться на поиски монстра, убившего молодую мать-одиночку, а затем бросившего ее крохотную дочку в холодном темном лесу.

– Я думаю, что сделала ужасную ошибку, мам, – говорит Энни. – Я все испортила. Корделл Льюис вышел на свободу сегодня утром, и, кажется, я видела, как днем в городе он наблюдал за мной. Тогда я пошла поговорить с Кенни, потому что после разговоров с ним мне всегда становится легче. Спокойнее. И я могу сказать ему что угодно, зная, что он не бросится что-то исправлять или контролировать. Он просто слушает, понимаешь?

Ее голос срывается, и она не знает отчего: оттого ли, что сегодня Кенни слушал ее не так внимательно, как обычно, или же потому, что их встречам больше не суждено повториться. Теперь его не будет рядом – таковы правила, которые они установили, но время вышло гораздо быстрее, чем она рассчитывала. «Ушла эпоха», – сказал Кенни сегодня, пытаясь пошутить, но получилось не смешно.

– Но сегодня он не хотел меня слушать, – продолжает она. – Он не хотел говорить о Корделле Льюисе или, как он выразился, о моих «беспричинных опасениях». Он сказал, что хочет... большего. – Энни делает паузу, вспоминая слова Кенни, вспоминая ту ночь много лет

назад, что они провели вместе. Думала ли она когда-нибудь о ней? Изменилось ли что-то для нее? Потому что для него изменилось.

– Почему парням всегда требуется нечто большее? – спрашивает она свою мать. – Вот поэтому мне так нужно разговаривать именно с тобой – не с Фэй, не с Клэри, не со Скоттом и даже не с Кенни. Мне нужна моя мать! Я хочу советоваться с тобой насчет отношений, спрашивать, за кого мне выйти замуж – за парня, который знает, что я хожу сюда, или же за того, кому никогда об этом не говорила? – Она прерывается и напрягает слух, услышав чьи-то шаги. Она думает, что здесь может появиться Кенни – он просто не так хорошо знает дорогу, как она, особенно когда темно и идет дождь.

Но что, если это не Кенни? Что, если теперь, когда он на свободе, Корделл Льюис решит вернуться на место преступления? Что, если он обнаружит ее здесь и придет в ярость? Она старается подавить в себе «беспричинные опасения» и делает несколько глубоких вдохов.

– Кенни должен был быть моим другом, так почему сегодня он все разрушил? Почему они всегда давят на нас? – Внезапная догадка заставляет ее осечься. – Это ведь то, что случилось и с тобой, мам? Кто-то хотел от тебя большего, чем ты могла дать, и это вывело его из себя? – Она склоняет голову, как в молитве, но на самом деле просто пытается собраться, сфокусироваться. Она снова смотрит вверх, в ту точку, где, как она воображает, сидит ее мать и наблюдает за ней.

– Думаю, он был просто взбешен. Так что я убежала. Мне было больно, я была зла, но еще я испугалась. Я никогда не видела его таким.

– Э-Э-Э-ЭННИ-И-И-И! – Она слышит, как Кенни зовет ее, но его голос едва различим в шуме дождя. Он зовет снова, и еще раз, уже приближаясь. Она понимает, что это Кенни, но чем ближе он к ней, тем больше у нее сомнений. Вдруг это Корделл Льюис? Или даже Скотт? Ее сердце выпрыгивает из груди, и она не уверена, что сможет бежать. Но она должна. Ей нужно найти безопасное место и укрыться там, пока он – кем бы он ни был – не сдастся и не уйдет. Она не может говорить с Кенни – не сейчас, не после того, что он сказал. Она никогда не видела его таким злым, и он напугал ее. Она спрячется на какое-то время, а потом пойдет домой, придумав правдоподобную отговорку для Фэй. Башня из лжи все растет. Она врала Трейси, врала Скотту, врала Фэй и Клэри. Врала самой себе. Но ложь – плохой строительный материал. И когда-нибудь стены рухнут, похоронив ее под собой.

– Теперь мне пора идти, мама. Но я вернусь. – Она уже бежит прочь, но оборачивается. – Кто знает, может, в следующий раз, придя сюда, я уже буду старой замужней дамой.

Она улыбается, поворачивается и убегает.

29 мая. Три дня до свадьбы

Фэй

Она как раз заканчивает с клиенткой, когда замечает, что в зоне ожидания крутится Лорел Хейнс. Фэй отводит взгляд, пока Хейнс ее не заметила, от всей души надеясь, что та зашла просто сделать прическу. У нее нет никакого настроения пререкаться с этой девицей сейчас, когда она не имеет понятия, куда запропастилась Энни и как объяснить ее отсутствие Лорел, если та спросит. Она бросает еще один взгляд на Лорел. *Когда* она спросит.

И, конечно, как только клиентка отправляется оплачивать заказ, Лорел тут же возникает перед Фэй, подметающей волосы с пола.

– Привет, эм... миссис Уилкинс, – на свой страх и риск начинает та. Она стоит у Фэй прямо под боком, раздражающе близко. Фэй чувствует, как от нее буквально разит целеустремленностью, словно выпивкой от пьянчуги.

Фэй поднимает глаза и смотрит на Лорел, сравнивая ее нынешнюю с той девочкой, что когда-то училась с Энни в одной школе. Лорел заставляла свою мать, Глиннис, возить ее стричься аж в Гринвилл, так как «у стилистов в Ладлоу не из того места руки растут». Фэй могла заткнуть за пояс большинство гринвиллских парикмахеров, но Лорел никогда не давала ей шанса показать свое мастерство. Трудно не затаить обиду.

– Ты хотела записаться? Если да, то это там, – говорит Фэй и указывает на Келси, сидящую за стойкой регистрации и, как всегда, болтающую по телефону. Сколько бы раз она ни просила эту девицу не трепаться в рабочее время, все без толку. Келси заменила Клэри, когда стало ясно, что дочь не пойдет по стопам своей матери. Клэри могли не нравиться правила Фэй, но она, хоть и неохотно, подчинялась им.

– Келси! – рявкает Фэй на весь салон. Лорел подпрыгивает на месте от неожиданности. Когда Келси поднимает глаза, выражение на лице Фэй заставляет ее опустить телефон. Он буквально вываливается у нее из рук.

– Нет... Я... – Лорел бледнеет и осекается, чем вызывает у Фэй серьезные сомнения в ее квалификации как репортера. Глиннис говорила Фэй, что ее дочери пришлось «расстаться» с несколькими газетами, вынужденными «пойти на сокращение». Глиннис считала, что виноваты воротилы-газетчики, но, возможно, дело было как раз в Лорел. Фэй изучающе смотрит на нее и вспоминает, какой пробивной та была в школе. Вряд ли она так уж сильно изменилась за прошедшие годы. Газетный бизнес переживает кризис, и возможно, Лорел правда просто не повезло.

Так или иначе, Лорел вернулась в город и теперь работает репортером «Вестника Ладлоу», городской газеты, принадлежащей одному из самых неприятных Фэй жителей города – Теду Коллинзу. Когда она впервые объявилась в Ладлоу, Тед пригласил ее выпить, чтобы якобы отметить приезд. Фэй, будучи в шоке от горя, приняла его приглашение, затем залпом проглотила два напитка на голодный желудок и так опьянела, что выложила ему все об убийстве Лидии, наивно полагая, что он друг и заслуживает доверия. Естественно, все, что она рассказала, на следующий же день оказалось на первой полосе. Вот почему, напоминала она себе позднее, ей ни в коем случае нельзя пить. С тех пор они с Тедом Коллинзом и двумя словами не обмолвились.

– Не могли бы вы ответить на некоторые вопросы, касающиеся предстоящей свадьбы Энни? – просит Лорел. На этот раз она говорит более уверенно, но Фэй все равно различает нотки нервозности в голосе девушки и решает этим воспользоваться.

– Думаю, эти вопросы тебе стоит задать самой Энни, как ты считаешь? – Фэй перестает подметать и принимает воинственную позу, не обращая внимания на веник в руке. – Почему бы тебе не поговорить напрямую с ней?

– В этом-то и проблема. Я не могу с ней связаться.

– Добро пожаловать в клуб, – язвит про себя Фэй, но ничего не говорит. Вместо этого она поднимает брови. – Полагаю, тебе нужно продолжать попытки, – заявляет она. Ей говорили, что она может выглядеть угрожающе, и Фэй надеется, что сейчас как раз такой случай. – Уверена, в конце концов у тебя получится.

– Да, но газета должна выпустить материал завтра, – возражает Лорел. – И мне нужен лишь небольшой комментарий. – Она смотрит на Фэй, выпрямляет спину и отважно выдерживает ее взгляд. Фэй наблюдает за тем, как молодая женщина наконец набирается решимости: – Эта свадьба важна для города. Я имею в виду, Трэвис Дав возвращается, чтобы провести церемонию, и, кроме того, город любит Энни.

Фэй слышит, как меняется голос Лорел, когда та говорит, что город любит Энни. Ведь это правда. Взяв под крыло сироту, пытаясь помочь ей жить дальше, обрести нормальную жизнь, горожане, безусловно, прикипели к Энни после смерти ее матери. Ладлоу не из тех городов, где убийства в порядке вещей, но трагедия Лидии изменила это навсегда. Теперь городу просто необходимо, чтобы история закончилась хеппи-эндом, и они возлагают большие надежды на свадьбу. Энни – золушка, город – ее добрая крестная, мечтающая сопроводить свою подопечную в объятия прекрасного принца. А вот Лорел – идеальная кандидатура на роль завистливой золушкиной сестрицы, которую силой вынудили вести летопись этого благословенного события.

– Скажу так, – говорит Фэй. – Если – и тут я имею в виду *когда* — я поговорю с ней, я попрошу ее тотчас же с тобой связаться и лично удостоверюсь, что она поняла всю срочность. – Фэй сладко улыбается Лорел, и ей становится немного жаль девушку. Наверное, тяжело возвращаться в родной город полной неудачницей и работать в захолустной газете, когда так мечтала о карьере в «Нью-Йорк таймс». Фэй лучше других понимает, как хорошо жизнь умеет удивлять – и разочаровывать.

«Ну а теперь у меня клиентка, и она уже ждет», – резюмирует Фэй и указывает на зону ожидания, где Майра Макгерт сидит с нетронутым номером «Сазерн Ливин» на коленях и смотрит на них. Она машет Майре, давая Лорел понять, что разговор окончен и у нее нет иного выхода, кроме как покинуть салон.

Майра ужасно чувствует себя из-за смерти Уилли, но комментарии о состоянии ее волос Фэй оставляет при себе. Она просто суетится над ней, а затем слушает рассказ о том, как голубь Клэри вернулся в палатку и в последний раз взглянул на нее, прежде чем улететь, – словно сам Уилли сказал последнее «прощай». Фэй внимает Майре и ловит себя на том, что смаргивает слезы. Она гадает, та ли эта птица, что не вернулась, – Клэри так и не сказала ей. Ее дочь, видимо, отчаялась найти голубя. А может, думает Фэй, птица и правда улетела на небеса с Уилли и решила не возвращаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.